

ДЕМОКРАТИЯ!

Пьеса

Вступительная заметка Я. Гордина

Между декларациями больших поэтов и их практикой достаточно часто существовал ощутимый разрыв. Пушкин, написавший „Поэт и толпа“, форсированную декларацию аполитичности, в то же самое время остро интересовался практической политикой и пытался в ней участвовать.

Бродский, тоже неоднократно заявлявший о своей отстраненности от „житейского волнения“ в его политической ипостаси, объяснявший написание стихов об афганской войне случайным и достаточно абстрагированным от исторического момента обстоятельством, с напряженным вниманием следил за всем, что „совершалось дома“.

В начале девяностых, в самый критический для российской демократии период, он нашел приемлемую для себя форму, чтобы объявить о своей поддержке и надежде:

*Лети по воле волн, кораблик.
Твой парус похож на помятый рублик.
Из трюма доносится визг республик.
Скрипят борта...
Не верь, дружок, путеводным звездам,
схожим вообще с офицерским съездом.
Тебе привязанность к праздным безднам
скорей вредна.
Верь только подлинно постоянной
демократии волн с еёной
на губах возникающей в спорах пеной
и чувством дна.
Одни плывут вдаль проглотить обиду.
Другие — чтоб насолить Эвклиду.
Третьи — просто пропасть из виду.
Им по пути.
Но ты, кораблик, чей кормщик Боря,
не отличай горизонт от горя.
Лети по волнам стать частью моря,
лети, лети.*

При том, что восприятие Бродским штормовых событий в России периода ломки советской системы и борьбы Ельцина с „красно-коричневыми“ напоминает восприятие Блоком событий 1917 года — упоение стихией, — он с присущим ему вниманием к детали (важность чего он твердо декларировал) придает „Подражанию Горацию“ абсолютную конкретность, закрепленность в историческом моменте: парус, похожий на „помятый рублик“, — символ финансового кризиса, обесценивания рубля, „офицерский съезд“ — бесконечно

транслировавшиеся тогда по телевидению акции „Союза офицеров“, пытавшегося поднять армию против реформаторов... Наконец, имя „кормщика“ в уменьшительном варианте, снимающем патетику, но точно указывающее адресат.

В цитированном отрывке есть строки, непосредственно корреспондирующие с публикуемой ниже пьесой: „Верь только подлинно постоянной демократии волн...“ Демократия — подлинная! — опасная, но величественная и органичная стихия... Пьеса „Демократия!“, написанная на рубеже 1980—1990-х годов, когда еще существовал СССР, когда судьба демократии в России и восточно-европейских странах соцлагеря была неясна, но уже шли в последних „бархатные революции“, — свидетельство горькой тревоги Бродского. Какая демократия восторжествует — подлинная „демократия волн“ или жалкая профанация таковой?

Пьеса, как убедится читатель, саркастически воспроизводит второй путь. Жанр понятен — утопия-предупреждение.

Бродский делает все, чтобы сбить с толку читателя, вздумавшего бы точно идентифицировать место действия. С одной стороны, за окнами правительственного здания шпили лютеранских кирх — что на Россию непохоже. С другой, — речь идет о стране, которая в первой ремарке хоть и названа „небольшим государством“, но в которой до западной границы „тыща км болотом“, а до восточной „три года скачи — не доскачешь“. В то же время говорится о Центральной или Восточной Европе и положении „между двумя великими державами“. Министра внутренних дел зовут Петрович, а министра финансов — Густав, и намекается на его немецкое происхождение. Таким образом, пытаться вычислить название страны, в которой происходит действие, страны, производящей копченых угрей, бекон и газировку, — дело бессмысленное. Это — условное пространство, в котором моделируется вся пошлость неорганичной демократии, неожиданно пришедшей на смену социализму. При том, что министр внутренних дел остался прежним...

Стилистически „Демократия!“ восходит к „Мрамору“ (1982 год), к переводным пьесам рубежа 1960—1970-х годов, к диалогическому принципу построения вещи, столь важному в работе Бродского. Минимум прямого действия, минимум активного сюжета: все напряжение, все события внутри и вне места действия — в стремительном диалоге, где одно смысловое звено цепляется за другое, создавая „сюжетное силовое поле“.

Горько-трагический пафос „Мрамора“, „Горбунова и Горчакова“ в „Демократии!“ пародийно снижен. Естественная для членов правительства проблематика — финансы, экономика, групповая борьба — обсуждается и разрешается ситуационно и главным образом лексически как простонародный фарс. И сегодня, следя, скажем, за пошлыми финансовыми скандалами на постсоциалистическом пространстве, нельзя не удивиться прозорливости Бродского десять лет назад.

Лексически и интонационно „Демократия!“ связана со слоем поэзии Бродского, в котором культивируется язык люмпенизированной улицы, — например, „Представление“.

Бродский хорошо понимал, что может случиться с западными демократическими ценностями, попавшими в руки политиков, выращенных в коммунистических теплицах.

Но „Демократия!“ — отнюдь не элементарный памфлет. Бродского всегда, а в то время — и особенно применительно к России — мучила мысль об опасности расчеловечивания. Он говорил и писал об этом. И внутренний сюжет пьесы развивается именно в этом направлении — от „гастрономической демократии“, которую исповедуют персонажи, до вполне материального „стремления в животные“. Один из признаков этого процесса — умение упростить, вульгаризировать и приспособить к сиюминутной выгоде любую идею. Так персонажи поступают с оптимистической гипотезой „конца истории“, сформулированной известным философом после окончания холодной войны и появления признаков демократии в соцлагере. „Когда кончается история, начинается зоология. У нас уже демократия, а я еще молода. Следовательно, мое будущее — природа. Точней — джунгли. В джунглях выживает

сильнейший, либо — с лучшей мимикрией“. И после сюжетного взрыва — абсолютно серьезная и характерная для Бродского сентенция: „Не выживает, детка, никто. Это и есть закон джунглей... Не выживает никто“. Страшная, циничная суета перед лицом бесстрастной уравнильницы — смерти...

Балаган заканчивается надвигающимся призраком трагедии, от которой не спастись ни в истории, ни в зоологии.

Это не проповедь отчаяния, это — печальный совет жить достойно. В полном виде пьеса публикуется впервые. До сих пор известен был лишь ее первый акт. Второй акт публикуется по рукописи, любезно предоставленной редакции „Звезды“ „Фондом Наследственного Имущества Иосифа Бродского“.

Я. Гордин

ИОСИФ БРОДСКИЙ ДЕМОКРАТИЯ!

Действующие лица:

БАЗИЛЬ МОДЕСТОВИЧ — Глава государства
ПЕТРОВИЧ — министр внутренних дел и юстиции
ГУСТАВ АДОЛЬФОВИЧ — министр финансов
ЦЕЦИЛИЯ — министр культуры
МАТИЛЬДА — секретарша

Примечание: реплики не маркированы. Актерам и режиссеру следует самим определять, кто произносит что, исходя из логики происходящего.

Акт первый

Кабинет Главы небольшого социалистического государства. На стенах — портреты основоположников. Интерьер — апофеоз скуки, оживляемый только чучелом — в полный рост — медведя, в чью сторону персонажи кивают или поглядывают всякий раз, когда употребляется местоимение „они“. Можно еще прибавить олени рога. Высокие окна, в стиле Регента, затянутые белыми гардинами. Сквозь гардины просвечивают шпили лютеранских кирх. Длинный стол заседаний, в центре которого на блюде алеет разрезанный арбуз. Рабочий стол Главы государства: столпотворение телефонов. Полдень. Трое мужчин среднего возраста и одна женщина — неопределенного — поглощают пищу.

Ничего рябчик, а?

Рябчик что надо.

Главное, подлива.

Подлива замечательная. Это в ней чего? Икра?

Ага, подлива с икрой. Астраханская, что ли?

Гурьевская.

Гурьев-Гурьев-Гурьев... Это где у них? В Европе или в Азии?

На Урале. Пиво у них там хорошее. Молодое. Ноги вяжет, особенно летом.

Рябчик тоже, между прочим, из Сальских степей.
Одно слово — Евразия.
Лучше — Азеопа. Учитывая соотношение.
Н-да. Пельмени сибирские.
Спички шведские.
Духи французские.
Сыр голландский.
Табачок турецкий.
Болгарский: Джебел.
А-а, то же самое.
Овчарка немецкая.
Право римское.
Все заграничное.
Н-да. Конвой вологодский.
Наручники, между прочим, американские. Из Питсбурга, в Пенсильвании.
Не может быть!
Честное слово.
Ему, Цецилия Марковна, можно верить. Все-таки — министр юстиции.
Не может быть!
Да хотите, покажу? У меня всегда с собой, в портфеле. Вот полюбуйтесь.
Ой, не надо.
Да не бойтесь. Они ж американские.
Покажи, Петрович.
Вот тут написано: „мэйд ин ЮэСэй“.
У них, значит, тоже.
А вы как думали. Одно слово — капитализм. У нас таких не делают. Валюту тратить приходится. Ну, это такое дело — не жалко.
Не жалко — чего?
Да валюты. Хотя — кусаются. Двадцать долларов штука. Это если в розницу. Но даже если оптом и со скидкой: все равно кусаются.
Со скидкой?
Ага. Двадцать процентов. Как дружественной державе.
Ему можно верить, Цецилия. Все-таки — министр финансов.
Тогда уж лучше бы духи. Все-таки французские.
Да они и польскими обойдутся.
Опять же название красивое — „Бычь Може“. „Быть Может“, по-нашему. А это — „Коти“.
„Коти“ — тоже красиво.
К тому же французы скидки не дают, Цецилия. Да и не напасешься духов на всех-то. Даже польских. Духи, они же знаете как идут. Флакон за неделю. Тут никакой валюты не напасешься. Наручники экономичней. С точки зрения финансовой дисциплины то есть.
Да, народ у нас смиренный. Он и веревкой обойдется.
Базиль Модестович, можно мне арбуза?
Давай. Арбуз тоже, между прочим, астраханский.
Ничего себе смиренный. Я вчера демонстрацию видела.
Это которая за независимость?
За экологию.
Ну, это то же самое.
Не скажите. Все-таки защита окружающей среды.
Независимость — тоже защита. От той же, между прочим, среды.
Ну, это ты загнул, Петрович.

Это, Базиль Модестович, не я. Это демонстранты.
Да какие они демонстранты. Так, толпа.
Э, не говорите. Все-таки народ, масса.
А масса всегда в форму толпы отливается. Или — очереди.
Ну да: площади или улицы. Других-то вариантов нет.
Это надо записать!
Да чего там. И так записывается. (Кивает на медведя.)
А чего тогда они всегда к Дворцу идут? Кино, что ли, насмотрелись?
А того и идут, что площадь перед Дворцом. А к площади улица ведет. Пока по улице идут, они — очередь. А когда на площадь выходят — толпа. Оба варианта и получаются. Даже выбирать не надо.
Есть, конечно, и третий: во Дворец войти. Как в кино.
Да кто же их сюда пустит? Да и сами не полезут. Все-таки — не 17-й год.
Даже если и войдут — не поместятся. Кино все-таки черно-белое было — тебе ли не знать, Цецилия?
Так-то так, Базиль Модестович, да ведь вечером цвет скрадывается. Не говоря — ночью.
Искусство вечером всегда сильнее влияет. „Лебединое-то озеро“ всегда вечером и дают. А кино так вообще в темноте смотрят.
Так-то оно так, Цецилия, да на демонстрацию вечером не ходят. На демонстрацию днем идут.
Ну да, чтоб западным корреспондентам снимать легче было. Особенно если на видео.
Бехер из Японии сообщает, что они там выпуск новой сверхчувствительной пленки освоили.
Так что, того гляди, западный корреспондент себя Эйзенштейном почувствует.
Ну уж и Эйзенштейном. Как там Бехер-то, между прочим? Тоскует?
Тоскует, Базиль Модестович. Рыбу сырую, говорит, жрать заставляют. Одно слово — японцы. Можно мне арбуза?
Давай, Петрович.
Жаль, у нас не растут.
Что поделаешь, приходится расплачиваться за географическое положение. Все-таки — Европа.
И Берия так считал. Я, когда назначали сюда, — упирался. А он говорит: ты что, Петрович? Все-таки Европа.
Да, шесть часов поездом — и Чехословакия.
Либо — Венгрия.
Не говоря — самолетом.
Стук в дверь, входит Секретарша.
Ну, чего тебе, Матильда?
Базиль Модестович, вас к телефону.
Сколько раз тебе повторять, Матильда: в обеденный перерыв — никого.
Да, но это Москва вызывает.
Кто?
Не знаю, Базиль Модестович. Какой-то с акцентом.
Густав Адольфович, ты кончил? Подойди к телефону, а? Поговори с ним с акцентом.
С каким, Базиль Модестович?
А хоть с каким. С курляндским.
Г. А. идет к столу, нерешительно смотрит на телефоны.
Какой? Красный, наверно?
А то какой же.
Г. А. поднимает трубку.
Яа? Кафарит Гюстав Атольфович... Пошалюста? Найн, ай йест финанс-министр. Найн, он апетаат. Исфините? Как ви скасаль? Ах, отин момент... (Кладет трубку, идет к столу.) Базиль

Модестович, он орет. Обозвал меня — Цецилия Марковна, прикройте ушки — пыздорванцем. Акцент, по-моему, грузинский.

Базиль Модестович вскакивает.

Иосиф Виссарио... тьфу, не может быть. (Вытирает вспотевший лоб.) Петрович, подойди, если кончил, а? Привыкли в любое место звонить! Хамство все-таки, не говоря о суверенитете.

П. идет к столу, берет трубку.

Алё. Ян Петерс говорит. Иван Петрович по-вашему. Министр юстиции. Ага, внутренних дел по-вашему. Чего? Бехер — иностранных, и он в Японии. А?.. Да не разоряйся ты, сказано: обедает... Кончай, говорю, лаяться. Охолони. Ну да, с ним, со мной и с министром культуры. Ага, тамбовская она. Что? Да, лучшие ноги в Восточной Европе. (Смотрит в сторону Цецилии, подмигивает.) Чего? Ха-ха-ха. Никогда, говоришь, их вместе не видел? Хахаха... Орел! Да ладно там — срочно. Срочно, срочно. А где Сам-то? А, на пресс-конференции. Чего ж сразу-то не сказал. А, ну понятно. Ладно, щас попробую. (Кладет трубку, возвращается к столу.) Это Чучмекишвили, Базиль Модестович, министр иностранных дел ихний. Вас просит. Вообще-то, по протоколу, не имеет права. Вас к телефону только Сам звать может. Министр только министру звонит, да и то соответствующему. Но, видать, там что-то экстренное. К тому же Бехер в Японии. Может, подойдете.

Езус Мария, не дадут человеку поесть нормально. Ладно, скажи: сейчас подойду. Вот только арбуза себе отрежу.

П. идет к телефону, берет трубку.

Алё? Щас подойдет, хотя вообще не по протоколу. Да, даже нам. Хотя, по-моему, ты тоже раньше внутренних дел был, в Тифлисе-то. Ага, вишь, я помню. При тебе же педерастирование тех, которые не колются, и ввели. Ну да, мужики у вас на Кавказе гордые. Не, я — рязанский. Что? Нет, бронетанковую кончал, в Харькове. Не, я на местной женат. Чего? Тянет, конечно, да как тут выберешься, даже в отпуск не получается. По-ихнему-то? Ничего, гуторю. Ага... Идет он, идет. А где Сам-то? На пресс-конференции? А, ну понятно. Ну вот он, идет. Ага, ну бывай. Вот он, даю.

П. передает трубку Б. М. и возвращается к столу.

Б. М. вытирает салфеткой губы.

Я вас слушаю. Да, это я. Добрый день. Да-да, спасибо. Ничего-ничего, мы уже кончили. Ну что вы! Да, так я вас слушаю. (Пауза.) Майн Готт! Когда? (Пауза.) А посол знает? Нет, не наш, а ваш. Да нет, чтоб он танки не вызвал. Ну да, по старой памяти. Не может быть! Не может быть. И суверенитет тоже. Не может быть! Нет-нет, отчего же? Да-да, записываю. Записываю-записываю. Да не волнуйтесь: я — старый подпольщик. А! Как вы сказали? А, о'кей. О'кей, о'кей, о'кей. Все будет о'кей. Ага, вечером Самому позвоню. Около десяти, о'кей. А не поздновато? А, из китайской жизни. Нет, если „Мадам Баттерфляй“, то раньше, чем „Турандот“. Да, в худшем случае прямо в ложу. Номер-то? Номер есть. Главное — посла известите: горячий он. Ну-ну, спасибо. Все будет о'кей. Ага. Всего доброго. О'кей, о'кей. (Вешает трубку.) О'кей. Густав Адольфович, отрежь мне арбуза, а? (Пауза.) Значит, так. Господа. (При этом слове все вздрагивают.) Господа министры. Я должен сообщить вам (Петрович и Цецилия понимающе улыбаются) приятное известие. У нас учреждена демократия!

Всеобщее остолбенение.

То есть?

Что вы имеете в виду?

Как учреждена?

Какая демократия? Социалистическая? Народная?

Может быть, буржуазная?

Нового типа?

Все заграничное.

Когда мы научимся употреблять существительные без прилагательных?

Это смотря какое существительное.

И смотря какое прилагательное.

Да ладно вам. Будет умничать. Что случилось-то, Базиль Модестович?

Да ничего, Петрович. Грузин этот, который у них министр иностранный, говорит, что полчаса назад Сам на пресс-конференции заявил, что у нас демократия вводится. (Кричит.)

Матильда! (Входит Матильда.) Матильда, никаких телефонных звонков. Впредь до особого распоряжения.

А если из Москвы?

Из Москвы? Ладно — только если Сам. Поняла?

Да, товарищ Генсек.

И еще — если главнокомандующий. Ясно?

Ясно, товарищ Генсек.

И не называй меня больше Генсеком. Поняла? Президентом можно.

Да, товарищ Президент.

И лучше без товарища. Диковато звучит. Вроде как товарищ прокурора! Давай лучше господином. Понятно?

Понятно, господин Генсек. То есть товарищ Президент. То есть товарищ Генсек. То есть господин Президент.

Вот так-то.

Матильда выходит, расстегивая на ходу блузку.

Что же это теперь будет, Базиль Модестович?

Да не бойтесь вы, Цецилия Марковна. Обойдется.

Да, обойдется. Вот вы уже господин Президент, а мы кто?

Кто был ничем, тот станет всем.

Не спешим ли мы, Базиль Модестович?

Да нет, как раз наоборот, Петрович. Через полчаса тут пресса будет. Подготовиться надо.

Оно, конечно, мало ли что там Сам брякнет, но куда они, туда и мы. Все-таки общая граница, не говоря — идеалы.

Не говоря — культура. С ее министра и начиная.

Да как вы, Густав Адольфович, смеете!

Так что ты тоже, Петрович, господин министр теперь. Про Густава и говорить не приходится.

Ну и Цецилия.

Я — госпожа министр?

Отчего же нет, Цецилия?

Да звучит как-то — того... Ни то, ни сё. В юбке я все-таки.

Это мы заметили.

Привыкнешь, Цецилия... Было у тебя с ним?

О чем это вы, Базиль Модестович?

С грузином этим, с Чучмекишвили?

Да что вы, Базиль Модестович! Да как вы могли подумать.

Краснеешь, Цецилия. А еще мхатовка бывшая. А еще молочные ванны ежедневные... И чего ты в нем нашла? Ну, понимаю, политбюрошные ихние. Это, так сказать, наш интернациональный долг. Но этот...

Так ведь грузин он, Базиль Модестович. Для здоровья она. У них ведь...

Замолчите, Петрович!

...эта вещь — сунешь в ведро: вода кипит.

Петрович!!!

Ах, Цецилия, Цецилия. Бойка, однако. С другой стороны, конечно, кто мы? — дряхлеющий

Запад. Ладно, не красней — флаг напоминаешь, не говоря — занавес. Значит, так: Густав Адольфович, за дело! Мы что тут раньше-то производили?
Раньше — чего?
Перемены К Лучшему. До исторического материализма и индустриализации.
А, до 45-го. Бекон, Базиль Модестович. Мы беконом всю Англию кормили.
Ну, бекона теперь в Англии своего навалом.
Угря копченого. Мы копченым угрем всю Европу снабжали. Даже Италию. У итальянского поэта одного стихи такие есть: „Угорь, сирена / Балтийского моря...“ Консервная фабрика была. Шестнадцать сортов угря выпускала.
Ага, и у французов блюдо такое было: угорь по-бургундски. С красным вином делается.
Ну да, потому что рыба.
Рыба вообще с белым идет.
Да что вы понимаете! Его три дня сушить надо. Прибиваешь его к стенке гвоздем — под жабры — и сушишь.
Вялишь, что ли?
Да нет. Чтoб не извивался. Живучий он ужасно, угорь этот. Даже через три дня извивается.
Разрежешь его, бывало, и в кастрюлю. А он все извивается. Виляет...
Как на допросе.
...даже в кастрюле виляет. То есть извивается. И тогда его — красным вином.
Я и говорю — рыба. Крови в нем нет. Как кровянку пустишь, тут они виляют и перестают.
Потому, видать, и добычу прекратили. Бургундского на всех не напасешься.
Да, и чтoб дурной пример не подавал. Живучий больно. На национальный символ тянул.
Вернее — на идеал. Дескать — как ни режь, а я...
Холоднокровные потому что.
Я и говорю. Аберрация возникает. Как вообще с идеалами. В нас крови пять литров, и вся — горячая. А идеал, он — всегда холодный. В результате — несовместимость.
Горячего с холодным?
Реального с идеальным?
Материализма с идеализмом.
Ну да, гремучая смесь.
И отсюда — кровопускание.
По-нашему: кровопролитие.
Чтoб охладить?
Да — горячие головы?
Не, наоборот. Идеалы подкрасить.
Придать им человеческий облик.
Вроде того. Снять напряжение. Так они лучше сохраняются.
Кто?
Идеалы. Особенно — в камере.
Ни дать ни взять консервы.
Ага, в собственном соусе. Особенно — когда в сознание приходишь...
Макабр.
...на нарах калачиком. Угорь и есть. На экспорт только не годится.
Но на национальный символ вполне.
Макабр.
Сколько, Густав Адольфыч, говоришь, сортов было?
Шестнадцать. Шестнадцать сортов фабрика выпускала. Копченого, маринованного, в масле, в собственном соусе — тоже.
А теперь?
Теперь — радиоприемники и будильники. Хорошие, между прочим, будильники: с

малиновым звоном. Приемники только длинно- и средневолновые. Короткие волны вон он (кивает на Петровича) запретил.

Такое уж у нас море, Базиль Модестович. Все-таки — жестяного цвета. Я считаю: преимущество надо сохранять.

В общем, от угря остались одни волны. И те — длинные.

Н-да, на экспорт не потянет. Будильники тоже, хотя и жестяные. Не говоря — с малиновым звоном. Перебои у них на Западе с православием, вот что. Разве что — Самому отправить, но это — не экспорт. Даже не импорт.

Пищеварение, скорее. Если (кивает в сторону медведя) не ссылка.

Гуууууууууууууууууу!!!

О'кей, о'кей, Петрович. Как говорит Чучмекишвили — о'кей. Будильники в Сибири тоже нужны.

По ним конвой просыпается!

О'кей. Значит, что там еще было, Густав Адольфыч?

Сыр тминный еще. Ожерелья янтарные. Аграрная же страна была. Хутора сплошные. Кожей еще свиной торговали. Хорошая кожа была. Наполеон лосины себе только из нашей кожи заказывал.

Всё?

Всё.

Полезные ископаемые?

Да вы же сами знаете. Торф один... Если вдуматься — чего это всех завоевывать нас понесло — что немцев, что ваших. Нашли себе добычу.

Неправильно рассуждаешь, Густав Адольфыч. Опасно даже — верно, Петрович?

Угу. Раньше за такое брали.

Но спорить — времени нет. Не говоря — брать. Тут через полчаса пресса будет... Значит, так. Восстанавливаем аграрную мощь нашей державы. Европа может вздохнуть свободно: угорь свежий и копченый пойдет широким потоком. Бекон и сыр тминный на Восток отправлять будем. Даже в Сибирь. Кожу — тому, кто больше даст. Но лучше во Францию: по старой памяти. Угорь — государственная монополия; остальное на хозрасчет или частникам. Рассмотрим вопросы об иностранных капиталовложениях и концессиях. Протянем руку нашим братьям из-за рубежа. Отменим цензуру, разрешим церковь и профсоюзы. Всё, кажется?

Небось, и свободные выборы?

И свободные выборы. Без свободных выборов концессий нам не видать.

А вывод союзных войск?

Без этого тоже. Как своих ушей. Демократия вводится — танки выводятся. Вечером позвоню Самому — спрошу.

Но это же поворот на сто восемьдесят градусов. За такое раньше...

Да хоть на триста шестьдесят, Петрович. Тебе что, назад в Рязань захотелось? Пресса здесь через полчаса будет, господа министры. Они вон Самого так допекли, что он демократию нам учредил. А нам — что учреждать, если надавят? Потомка Витольда Великого, что ли, из Воркуты выписывать и на престол сажать? Нам же даже и легче: нам свои войска — не то что Самому — ниоткуда выводить не надо. И вообще: увеличим призыв в армию.

Национальная гордость удовлетворяется плюс лишних ртов меньше наполовину. Не говоря — голов на демонстрации. Тебе же легче, Петрович. Правильно я говорю, Густав Адольфыч? В общем, кто — за?

А нацменьшинства — как?

Ты (подозрительно) кого это в виду имеешь, а?

Известно кого.

Цецилия кивает в сторону медведя.

Базиль Модестович, он нас в виду имеет!

Не горячись, Петрович. В конце концов, он о себе заботится. Все-таки — немец, хотя и восточный. Правильно я говорю, Густав Адольфыч?

Йяа.

Зондеркоманда!

Бехер тоже.

Ну, его-то хоть в плен взяли. К тому же — в 41-м.

Я сам сдался.

Ну да, в 45-м.

Зондеркоманда.

Вообще-то — Мертвая Голова. Ваффен СС.

Кто старое помянет, тому глаз вон.

А кто забудет — тому оба. Мертвая Голова и есть.

Бехер тоже. А еще министр иностранный.

Именно поэтому. Иностранный министр должен быть иностранцем. Это только логично.

Правильно я говорю, Густав Адольфыч?

Натюрлих, то есть — конечно.

Ах, у нас все министры иностранные. Кроме здравоохранения. Хотя он — душка.

Цецилия! Впрочем, потом разберемся. Сейчас некогда. Значит, так, с нацменьшинствами повременим. Концессии от них не зависят. В общем, Густав, ты за или не за?

За я, за! Всегда считал: займы и концессии — выход из положения. Займы особенно. Чего косишься, Петрович? Сам говоришь: валюта нужна!

Из какого положения?! Какой выход?! Контра ты, Густав, недорезанная. А еще „финанс-министр“! Ты Польшу вспомни. Займы возвращать надо, да еще с процентами.

Капиталист — он тебе зачем, думаешь, в долг дает? Угря разводить? Дудки! Чтоб в долг тебя вогнать. Для него — должник самая малина и есть. Особенно — если целая страна. Потому и капитализм, что в долг берут. Если б у них в долг не брали, их бы и не было.

Ну да. Мы у них в долг пятьдесят лет не брали, и они все еще есть, а вот нас скоро совсем не будет.

Одни мы потому что Социалистический лагерь. За то они нас и не любят, что в долг не берем. Бизнес подрываем. И чем нас больше будет...

Ну да! Читали. Народно-освободительные движения и так далее. Да хоть и в долгу! Все лучше, чем когда жрать нечего. Я имею в виду: населению.

Оппортунист ты беспринципный, Густав. Аграрий. Земля в тебе говорит. Кулацкий сынок. Националист.

Да брось ты, Петрович, обзывать. Жрать, говорю, нечего. Индивидуально-то принципы соблюдать просто. Можно упереться и в долг не брать. С твоим пайком особенно. А другим — как, без пайка которые? Их не жалко? Не тебе, конечно. Тебе, как вон и Косолапому (кивает в сторону медведя), все равно, а у нас прирост населения нулевой. На огурцах да на капусте вареной не поразмножаешься. Вон и рыба вся в Швецию ушла. Нет, лучше уж займы.

Базиль Модестович, слышишь? Он союзную державу оскорбляет. (Кивает в сторону медведя.) Министр финансов, а почему капиталист в социалистическое государство вкладывает — не соображает.

Они вкладывают, Петрович, потому что у нас рабсила надежная. Забастовок, например, как у них, нет. Для них в нас вкладывать — как на вдове жениться. Надежное дело. Мне Бехер сказывал: у банка, который в соцстрану вкладывает, репутация солидной. Уважают больше, не говоря — доверяют. Рыба действительно вся в Швецию ушла. Я Самому жаловался; он обещал туда субмарину послать для выяснения. Пока никаких результатов. С другой стороны, он тоже займов набрал. Куда они, Петрович, туда и мы. Все-таки — общая

граница. На сколько градусов ни поворачивайся. В общем, кто — за?
Нас же только четверо, Базиль Модестович. Двадцати двух еще министров не хватает. Совет министров...

Совет министров, Совет министров! Ты еще, Густав Адольфыч, „Политбюро“ скажи. Да нам колоссально повезло, что их нет. За полчаса с такой толпой и Сталин бы не управился. Один здравоохранения — баран еёный — чего стоит. Двадцати двух, он говорит, не хватает! Да как раз наоборот: может, нас слишком много для демократии? Ну как голоса поровну разделятся? Даже если у меня — право решающего?

Если хотите, я могу выйти, Базиль Модестович.

Сиди, Цецилия. У нас один выход — голосовать единогласно. Мы же — мозг государства. Министр финансов, внутренних дел, культуры и я. Хотя — стоп! Лучше, если один против. Кто-то должен быть против, иначе не демократия. Густав, хочешь быть против? Или нет, финансы — это серьезно. Петрович — ты?

Я, значит, несерьезно? Внутренние дела и юстиция!

Прости, не подумал. Цецилия? Хотя министр культуры в оппозиции — получается некрасиво. Тогда — тогда — это буду я. Даже и лучше. „Генсек под давлением министров соглашается...“

Да вы же уже не Генсек. Вы же только что себя...

Еще лучше! Президент под давлением министров соглашается... Звучит как демократия. Большинство и меньшинство.

Да какая это демократия? Больше — переворот сверху. Особенно без двадцати-то двух министров. Раньше за такое...

Петро-о-о-вич! Пресса здесь через полчаса будет! Ах ты, Боже мой, Петрович, да демократия и есть переворот сверху. Дворцовый. В наших условиях, во всяком случае. Переворот снизу будет что? Диктатура пролетариата. Ее тебе захотелось? Через полчаса, если не договоримся, она и наступит. Ты хоть о себе — если тебе на меня наплевать — подумай. Не говоря о Густаве и Цецилии!

Ты, значит, Базиль Модестович, обо мне заботишься?

Да обо всех нас, Петрович! Мы ж — мозг государства.

Нервный центр, скорее.

Пусть нервный центр. О нем кто позаботится? Тело, что ли? Главное, что остальные — тело. А мы — мозг. Мозг — он первый сигнал получает, демократия или не демократия. Кто рябчика с подливой и арбуз хаваает? Мозг! Потому что на остальных рябчика и арбуза этого не хватило бы. На тридцать рыл никакой арбуз не делится, не говоря — рябчик. На четыре — да. То же самое — история.

Теоретически арбуз на тридцать частей разделить можно. Может, неравных, но — можно. Что-то не замечал я, Густав, чтобы у тебя что-нибудь на тридцать частей делилось, ровных или неровных. А-а-а-а, мы время теряем! История здесь происходит! В мозгу! Голосуем мы или не голосуем?

Чего голосовать-то, если уж ты сам все решил.

Да в вашем мозгу она и происходит.

Уже, можно сказать, произошла.

Для проформы голосовать неинтересно.

Да, мы это уже делали.

Какая ж это демократия!

Особенно если вы — против.

Лучше уж единогласно.

Или пусть мы трое против, а вы — за.

Да, так спокойней.

Хотя и не демократия.

Ага. Тирания.
Но спокойней.
Действительно, Базиль Модестович. Что если они все это нарочно затеяли?
Что это?
Ну, поворот на сто восемьдесят градусов. Чтоб снова нас потом завоевать.
История повторяется — Маркс сказал.
Да, подвох.
Потому войска и выведут.
Так что лучше мы сейчас в оппозиции.
На них нельзя надеяться.
А то получится, что мы — не лояльны.
А вы — лояльны.
Нам — по шапке, а вы опять сухим из воды.
Пусть уж лучше тирания.
Хотя бы и левая.
Потому что если вас на Восток отзовут, то вас на пенсию посадят, а нас — куда?
На счетах щелкать.
Отделом кадров заведовать.
Об удобрениях статью переводить.
В Улан-Баторе.
Или в Караганде.
В лучшем случае.
Езус Мария! Езус Мария. И это — мозг нации! Ведь пресса здесь через двадцать минут будет! Если мы не проголосуем, вы в Караганде этой уже и послезавтра окажетесь. Ну — через неделю. Потому что, если тирания — пусть и левая, — пресса взбесится. А пресса взбесится — Сам взбесится. Даже если и не взбесится — получается: он тиранию поощряет. Да просто посол ихний взбесится и танки вызовет. И нас всех к чертовой матери свергнут — при поддержке народных масс. Это и будет Эйзенштейн. Дошло?
Пауза.
Доходит, Базиль Модестович.
То-то, Петрович. И пусть я буду в меньшинстве и против. Какая же это демократия, сам говоришь, без оппозиции. Я и буду оппозиция. Лояльная то есть. Потому что оппозиции доверять нельзя, а мне — можно. То есть я сам себе и доверяю. То есть во главе оппозиции должен стоять человек, которому доверяешь, как самому себе. Чтобы ее контролировать. А такого человека нет. Я бы даже бабу свою не назначил.
Ага, баба — та же оппозиция. Доверять еще можно, но контролировать нельзя.
Доверять тоже. Нет такого человека, которому доверять можно. Такой человек только я.
Поэтому я должен быть оппозиция. Доходит?
Доходит.
Уже дошло.
Почти.
Я — меньшинство, вы — большинство. Я уступаю. Это и есть демократия — когда меньшинство уступает.
Я думала: это когда меньшинство и большинство равными правами обладают.
И когда танки выводятся.
Или когда меньшинство большинством становится.
В результате голосования.
Ага, и наоборот.
То есть когда меньшинство большинству подчиняется.
Или наоборот. Как в нашем случае.

Да какое же Базиль Модестович меньшинство? Большинство он.
Субъективно — да, но объективно — нет.
Как раз наоборот: объективно да, а субъективно нет.
Все дело — кто субъект.
Кто объект-то, оно известно.
Да на то и голосование, чтоб объективное от субъективного отделить!
А если получится, что он меньшинство, а мы большинство?
И слава Богу, Цецилия.
А если наоборот?
Восторжествует субъективизм.
А если единогласно?
Тогда переголосуем. Так, Базиль Модестович?
Угу. Только побыстрее!
Даже если он в меньшинстве окажется?
Да прекрати ты сентиментальничать, Цецилия!
В самом деле... даже неловко как-то...
В худшем случае, Цецилия, представь следующее: он — меньшинство, которое о судьбе большинства заботится. Обо всех нас, не о себе одном.
Тебя включая.
И все равно мне не нравится. Какой-то наш Базиль Модестович меньшевик получается.
Да говорят же тебе, Цецилия: не 17-й год.
Да. Не говоря о том, что тогда большинство о меньшинстве позаботилось.
Точнее, большевики меньшевиков победили.
Что значит — точнее? Что ты этим, Густав, хочешь сказать?
Что победа большинства над меньшинством и большевиков над меньшевиками — не одно и то же. Ровно наоборот, между прочим. В процентном отношении, во всяком случае. По отношению к нации большевики ничтожным меньшинством были.
Ну, заговорил! Базиль Модестович, слышь, что Густав несет? Да тебе за такие речи... Где мой портфель?
А, пусть его, Петрович. Пятнадцать минут осталось. Ну-с, господа министры, — голосуем?
Да как же, Базиль Модестович! Это ж чистая контрреволюция. Его брать надо!
Нельзя его брать, Петрович: он нам для кворума нужен.
Трое за, один против — это победа большинства. Двое против одного — драка в подворотне.
Без Густава получается не голосование, а черт-те что. Позор в глазах мировой общественности. Сначала, говорю, проголосовать надо.
А после? После мы его берем, да?
А после, Петрович, если большинство победит — Густава брать не за что. Потому что после будет демократия. Что до демократии было контрреволюцией, при демократии — славное прошлое.
Тогда я, Базиль Модестович, против демократии! Кого же мне при ней брать? Себя, что ли?
Потому-то ты и должен голосовать за. То есть примкнуть к большинству. Насчет кого брать при демократии — не волнуйся: этого добра всегда хватает. Масса людей будет против, в оппозиции. С меня можешь начинать. Хотя я — оппозиция лояльная.
Да как ты можешь, Базиль Модестович, говорить такое? Да чтоб я...
Тебе же легче, Петрович, будет: при демократии, я имею в виду. Работы меньше. Сначала тех, кто за демократию, выпустишь. Это тебе на несколько лет хватит. Потом тех, кто против, хватать — это ж совсем не бей лежачего. Старая гвардия и т. д. — да ты их и знаешь лучше.
Все равно против. Потому что выпущенные во Дворец попрут, и нам — кранты.
Потому-то ты и должен голосовать за. Чего им во Дворец переть, если мы — за. За то, за

что и они. Если во Дворце меньшинство большинству подчиняется? Ведь это их голубая мечта и есть. Да и не выпускай ты их всех сразу. По одному. Все равно попрут. Одно слово — демонстрация. Да, от слова „демон“.

Я думала — „монстр“.

“Демос“, Цецилия, „демос“. Народ по-нашему.

Неважно. Их голубая мечта — демократия повальная. У них насчет демократии — полное единогласие.

Темные они, Петрович, — оттого что слишком долго в оппозиции были. А мы им разъясним. Верно, Цецилия? Доверим это дело Министерству культуры?

Я записываю, Базиль Модестович.

Да и так записывается, Цецилия. (Кивает в сторону медведя.) Не сейчас. Времени нет. Ну, в общем, кинь им эту идею, что единогласие — мать диктатуры.

Вернее, дитя.

Дитя всегда в мать. Главное, чтоб поняли, что за что боролись, на то и напоролись... Что цель достигнута, как говорил кайзер. Больше бороться не с кем. Во всяком случае, не с нами.

А за торжество справедливости?

Да, они же — за торжество справедливости. За идеалы.

Да, они против нас. Мы же — правительство.

Когда проголосуем, они будут за. Торжество справедливости выражается, Густав, в тех же формах, что и торжество несправедливости. То есть кончается тем же правительством.

Ой, записываю.

Давай, давай, а то Топтыгин уже вспотел, поди.

Входит Матильда, на ней одна комбинация.

Господин Президент, там пресса собралась, вас требуют.

Скажи, обеденный перерыв еще не кончился. Поняла?

Поняла, господин Президент. Ой, а правда, что у нас демократия будет?

Там будет видно. Через пятнадцать минут. Зарплата, во всяком случае, у тебя не изменится.

Рабочие часы и телефон тоже. Ступай.

Матильда выходит, стаскивая с себя на ходу комбинацию.

Чего это она?

В чем дело, Петрович?

Ну это... одета легко. Не лето ведь.

Может, у нее с телохранителем что?

Ревнуешь, Цецилия?

Да как вы можете, Базиль Модестович?

Или состояние экономики нашей символизирует.

Или — отход от догмы.

Скорее — последнее.

Все-таки — представляет народ.

Трудящихся.

Но не пролетариат.

Крестьянство тогда.

Н-да, кровь с молоком.

Либо — интеллигенцию.

Нашлась интеллигентка! (Взрываясь.) У-у-у, бесстыжая! Да в старые добрые времена я бы ее даже форинов доить в валютный бар не пустила! Она же и языков не знает! Только наш да местный. Интеллигентка! Я ей билет на „Лебединое“ бесплатной предлагала. Так не пошла! Я бы ее... я бы ее... она даже Чехова не читала. Че-хо-ва!

Ревнуешь, Цецилия. Матильда в партии с семнадцати лет. Дочь проверенных товарищей. В

театр не пошла оттого, что работала сверхурочно. Доклад о сельскохозяйственной политике готовила.

Я и говорю — кровь с молоком.

Тем более — лебедина песнь. Говоря о сельском хозяйстве.

Одно слово — Чайковский.

Сен-Санс!

Молодец, Цецилия.

Да где там Сен-Сансу до Чайковского! У них даже и коллективизации не было.

У лебеда, Петрович, шея — главное.

Ноги. Вот хоть Цецилию спросить.

Ну-с, господа министры, — голосуем?

Голосуем, голосуем.

А у нас, Базиль Модестович, зарплата изменится?

Да, рискуем все-таки.

Работа вредная.

На атомной электростанции за это даже молочко дают.

Ну, диета, я думаю, у нас не изменится. Из Варшавского пакта и их СЭВа мы выходить не собираемся. Сам всегда считал, что меню у союзников должно быть общее. Залог, так сказать, взаимопонимания.

Ну да, пищеварение как общий знаменатель.

Верней — пищеварения этого итог.

Густав! При дамах!

Насчет зарплаты это вы Густава спрашивайте. Что до молочка, то все-таки не советую.

Коровы все-таки местные. От ихнего вымени Гейгер больше балдеет, чем от самого реактора. Верно, Петрович?

Да. Молочко это за вредность — сплошная тавтология.

Если только, конечно, Сам в Общий Рынок не вступит. Чего бы я ему, конечно, желала; а то у них там уже мыла нет. Да и на кой ему всю дорогу с пятилетним планом себе голову морочить? Пусть его в Брюсселе составляют. У них и компьютеры получше.

То-то он про общий европейский дом распелся.

С другой стороны, они там в Евразии только раз в месяц в баню ходят. Спросите хоть Цецилию. Или лучше Петровича.

Да ты, Густав, молчи! Тебя каким мылом ни три, контру не отмоешь.

Вот-вот, патриот разговорился. По Рязани своей скучать изволите, Петрович? Ностальжи де ла бу, иначе не назовешь. Сколько лет тут живете, а все в хлев тянет. Хотя, казалось бы, на местной женат.

Ты бабу мою, Густав, не трожь. Она хоть местная, да полукровка. У местных ваших клитора днем с огнем не сыщешь. Рыбы!

Петрович! При дамах!

Оттого мужик тут в педрильство и кидается. Или на демонстрации. Часто не знаешь, какую статью ему шить.

Базиль Модестович, он наше национальное достоинство оскорбляет!

Господа министры, господа министры, не ссорьтесь.

Я всегда считал, что иностранец не должен быть министром внутренних дел. Иностранцев — пожалуйста, а внутренних — нет.

Контра ты, Густав, нераскаянная. Не говоря — клитор дело внутреннее. Ну, да откуда тебе знать-то с твоей местной.

Да как вы смеете!

Да как вам, Петрович, не стыдно!

Господа, господа, не ссорьтесь.

Министру внутренних дел стыд неизвестен, Цецилия. Министр внутренних дел — он как гинеколог.

Я всегда считал, что иностранцу нельзя...

Господа министры, господа министры, успокойтесь. Во-первых, Густав, ты не прав. Министр внутренних дел...

И юстиции.

...и юстиции должен быть иностранцем. Гарантия большей объективности, и никакого nepoтизма. Вспомним римское право. Плюс всегда лучше, если угнетатель — а закон всегда угнетатель — чужеземец. Лучше проклинать чужеземца, чем соотечественника. На этом все империи держатся. Вспомним цезарей, в худшем случае Сталина. Своего рода психотерапия. Здоровей ненавидеть чужого, чем своего.

Ой, записываю.

Но я не могу голосовать вместе с человеком, который оскорбляет достоинство моей нации!

Если бы он был свой, то да, тогда бы ты, Густав, не мог. Но поскольку он иностранец — можешь. Ибо он ведет себя естественно. Более того: благодаря его естественности и ты ведешь себя естественно, приходя в бешенство. Что есть естественная реакция. Это, значит, во-первых. Во-вторых, гинекологические его наблюдения если и оскорбительны для достоинства нации, то только для ее половины. Вот даже Цецилия не реагирует.

Ей что. У нее четверо детей. Скуластенькие. Или потому что знает, что Петрович преувеличивает. То есть преуменьшает.

Погорячился он, Базиль Модестович.

Погорячился ты, Петрович?

Ага.

В любом случае достоинство нации не размером этой вещи определяется. И в любом случае мы должны заботиться о достоинстве всей нации. Поэтому прибавим еще восстановление флага и гимна, которые до Перемены К Лучшему существовали, а? Ты как на это, Петрович? Я — чего, я — за. Хотя чего он символизировал — никогда не мог добиться. Даже пыткой. Ну-ка, Цецилия, по твоей части.

Серые полосы на белом поле. Символизируют местный климат. Погоду вообще.

На телепомехи похоже.

А я на американский флаг грешил.

Или на кошачью спинку.

Значит, восстанавливаем Цвета Национальной Погоды. Гимн?

Гимн, Базиль Модестович, был не Бог весть что. Можно было петь на мотив или „О май дарлинг Клементайн“, или „Кукарачи“. Как „Дойчланд, Дойчланд юбер аллес“.

Н-да, Сам может фыркнуть.

Не понять.

Понять неправильно.

Может, ихний обработать?

Не будем впадать в крайности.

Десять же минут осталось.

Как насчет „Тэйк файв“ Брубeka? Холодно и энергично.

Жив он: авторские платить — казны не хватит.

Может, что-нибудь народное?

“Слезы рыбачки“?

Заунывно.

“Где мой милый“?

Сам не поймет.

Ясно, что в Сибири.

Может, „Милый край, не расстанусь с тобой!“?

Это лучше.
Гораздо лучше.
Музыка и слова народные.
Никакой идеологии.
Я это для себя всегда на мотив „Маленького цветка“ Сиднея Беше пою.
Ну-ка, ну-ка.
Цецилия поет.
„Милый край, не расстанусь с тобой! / Ни за что никогда не покину тебя“. Ой, я сегодня не в голосе.
Недурно, недурно.
Совсем недурно.
Так голосуем, господа министры? (Напевает.) Милый край, не расстанусь с тобой, пум-пум-пум-пум-пум-пум-пум, пум-пум-пум-пум-пум.
Голосуем, голосуем.
Исторический момент.
Великое — пум-пум-пум-пум-пум-пум — событие.
Поворот на сто восемьдесят градусов.
Демократия.
И волки сыты, и овцы целы.
И волки, и овцы.
Пум-пум-пум-пум-пум-пум, пум-пум-пум-пум-пум-пум.
Кто за — поднимите руки.
А чего поднимать — и так все ясно.
А того, что — (кивает в сторону медведя) записывается. И на видео — тоже. Сам, может, даже по прямой трансляции смотрит. Хотя он на пресс-конференции.
Да, наверно, уже кончилась.
У него кончилась, у нас — начинается. Через две минуты. Ну, кто — за? (Голосуют.) Так: три — за. Кто против? (Поднимает руку.) Так: я — против. Большинство голосов — пум-пум-пум-пум-пум-пум, тьфу, привязалось...
Базиль Модестович, это же национальный гимн!
Ах, да, простите... резолюция о переходе к демократической форме правления и экономической реформе пум-пум-пум-тьфу!.. принята. Подписи. (Расписывается.) Густав! (Протягивает бумагу Густаву, тот расписывается.) Петрович! (Протягивает бумагу Петровичу, тот расписывается.) Передай Цецилии. (Петрович передает документ Цецилии, та расписывается.) Матильда! Эй, Матильда!
Входит Матильда в чем мать родила.
Переведи это на местный язык.
Когда?
Сейчас.
Ой, так там же пресса.
Подождут. Обеденный перерыв еще не кончился.
Но они в двери лезут.
Обождут. Не 17-й год. Переводи. Это — что за маскарад? Вернее — наоборот.
Так ведь поворот на сто восемьдесят градусов.
Так то на сто восемьдесят, Матильда, а ты на все триста шестьдесят хватила.
Это чтоб бесповоротность символизировать, господин Президент: что после демократии дальше ничего не будет. И что демократия естественна.
Прессе это должно понравиться. Хороший кадр: рядом с Топтыгиным. (Распускает галстук.)
Переводи.
Ой, щас. (Убегает.)

Петрович, сигару хочешь? Фидель прислал.
Ага... Кровь, говорю, с молоком.
Держи. Ну, про молоко мы всё знаем. Гейгер зашкаливает.
Про кровь тоже.
Что да, то да.
Даже неинтересно.
Интересно, что это в Матильде больше демократии радуется: кровь или молочко?
И-и, Густав, сигару? Впрочем, что ж это я? Ты ж некурящий. Тебе, Цецилия, тоже не предлагаю. Кончай арбуз.
Я бы взял одну. Ради такого случая.
Какого „такого“? Держи.
Ну, демократия все-таки.
В Густаве это, конечно, кровь.
Ну, я бы ради этого, Густав, не стал развязывать. Тем более — если кровь.
А ради чего вы б развязали, Базиль Модестович?
Да ни ради чего. Я ведь, Густав, заметь, и не завязывал. Да вот хоть тот же Фидель: мне присылает, а Самому перестал.
Ему хорошо: у него остров.
Одни идеалы общие. Можно и не бриться (кивает на портреты).
Базиль Модестович, а если спросят, кто нас уполномочил? Ведь без парламента, без всего...
Не спросят, Цецилия. Им в голову не придет.
А если все-таки?
Скажи: история.
Но они же дотошные. Настырные и дотошные.
Ну и?
Ведь ни парламента, ни конституции. Только телефонный звонок.
История и есть. Телефон, Цецилия, орудие истории. Личной, во всяком случае. Иногда — национальной. Особенно — если записывается. Тогда личного от национального не отличить. История, скажи, устала от конституции.
Тем более что все — одинаковые.
Да, и теперь ей больше телефон нравится.
Не говоря — телек.
Да, новые формы. Все-таки: переход от тирании к демократии.
Ага, требует новых форм. Вызывает их к жизни.
Так что скажи: история. Или скажи: революция. Для них — одно и то же.
А они скажут: где народные массы, стрельба, баррикады?
А ты скажи, что — не в кино. Что революция народ всегда врасплох застает. И что если им так охота кровопролитие увидеть, я могу вызвать войска и открыть по ним огонь. Надоели! Ой!
Не ойкай: не спросят. Да, Петрович, — позвони, пожалуйста, Бехеру в Японию. Скажи ему, чтоб не волновался, когда газеты увидит. Особенно — Матильду голую. А то он, чего доброго, с перепугу политического убежища попросит и правительство в изгнании создаст.
Да, старой закалки человек. Жаль, не было его сегодня.
Ага, мне тоже: рябчик был замечательный, не говоря — подлива.
Да, теперь следующая партия еще когда будет.
Будет — да только немецкая.
Или американская.
Скорее немецкая. Как часть займа.
Арбузы, поди, совсем кончатся.
Не кончатся, Густав, не волнуйся. Сам не допустит.

Да, все-таки символическое растение.
Овощ.
Все равно. Главное — снаружи зеленый, внутри — красный.
Да, цвет надежды и страсти.
Не говоря — пролитой крови.
Какая разница.
Только, пока не разрежешь, не знаешь — зрелый или незрелый.
Да. И потом — семечки.
Подумаешь, семечки! Семечки всегда можно выплюнуть.
Что да, то да.
Послушай, Петрович. Тебе что больше нравится: прошлое или будущее?
Не знаю, Базиль Модестович, не думал. Раньше будущее. Теперь, думаю, прошлое. Все-таки я — внутренних дел.
А тебе, Густав?
Как когда. Когда будущее, когда прошлое.
Настоящее, значит. Тебя, Цецилия, не спрашиваю. С тобой все ясно. Сплошная надежда и страсть.
Женщина, Базиль Модестович, всегда будущим интересуется. Все-таки материнский инстинкт.
Усложняешь, Цецилия. При чем тут материнский? Просто инстинкт.
Какой вы все-таки грубый, Петрович!
Если я и грубый, то оттого, что неохота на старости лет немецкий учить. Или английский.
Правильно я говорю, Базиль Модестыч?
Что да, то да.
А тебе самому, Базиль Модестыч, что больше нравится?
Сам не знаю, Петрович. Думаю, все-таки прошлое. В большинстве оно... Кофе будешь?

Занавес.

Акт второй

Кабинет Главы небольшого капиталистического государства. На стенах — портреты звезд рок-н-ролла или киноартистов. Интерьер — как и в 1-м действии, включая медведя, отношение к которому со стороны персонажей, в свою очередь, не претерпело никаких изменений. Оленьи рога. Высокие окна, в стиле Регента, затянутые белыми гардинами, сквозь которые просвечивают шпили лютеранских кирх и реклама — „Чинзано“, „Кока-Кола“, „Макдональд“ и т. п. Длинный стол заседаний, заставленный пивными бутылками и едой. Рабочий стол Главы государства: столпотворение телефонов. Вечер. Трое мужчин среднего возраста и одна женщина — неопределенного — поглощают пищу.

Ничего устрицы, а?

Да, свежие.

Все-таки самолетом.

Какие-то два-три часа.

Три.

Зависит от авиалинии.

Все-таки свежие.

С лимоном их хорошо.

Преимущества географического положения.

Все-таки — Европа.

Да, хоть и Центральная.

Да хоть бы и Восточная.

Даже если и Азия, то — Западная.

Почти Общий Рынок.

Только „мерседесов“ нет.

Так ведь и дороги... того-сь.

Автобан еще когда построят.

Непростое дело.

Все-таки тыща км болотом.

До западной границы только.

А до восточной и не надо.

Да, туда три года скачи — не доскачешь.

С лимоном их, с лимоном.

Только на тракторе.

Или еще на танке.

На танке это не туда, а оттуда.

Кто старое помянет, Густав, тому глаз вон.

А кто забудет — тому оба.

Да прекратите вы.

В самом деле.

Тем более, история кончилась.

Да, я статью читала. Матильда с английского перевела.

Осталась одна география.

И ее преимущества.

История, пока чего-то хочется, не кончилась.

Например, „мерседес“.

Или „ролекс“.

Ну, „ролекс“ у Базиль Модестыча уже есть.

Так ведь — Президент он. Для представительства.

Мало ли кто приедет.

Прилетит.
Королева английская.
Канцлер немецкий.
Президент египетский.
Аятолла иранский.
Папа Римский.
Микадо.
Без „ролекса“ никак нельзя.
А то в аэропорт опоздаешь.
Вот и первое долго не несут.
Не говоря — на работу.
Событие можно пропустить.
Особенно историческое.
Они же всегда с историческим визитом прибывают.
Даже из Бельгии.
Пока аэропорт работает, история не кончится.
И пока чего-нибудь хочется.
Тебе еще хочется чего-нибудь, Цецилия? Кроме „мерседеса“?
Я бы еще устриц взяла.
Больше нет. Четыре дюжины только и прислали.
Только для членов Государственного Совета.
Да, для головки.
Следят все-таки. (Кивает на медведя.) Непрерывная трансляция.
Раньше тоже была непрерывная.
Эк сравнил! Раньше только звук писался. А теперь цветное изображение. Иногда даже крупным планом. Си-эн-эн называется.
Заботятся.
Скорее — следят.
Все-таки, Петрович, у тебя мания преследования.
У него всегда была.
Одно слово: министр внутренних дел.
Либо он преследует, либо его.
Бывает.
Комплекс такой.
Чистая клиника!
Да чего вы ко мне пристали! Не за нами, говорю, следят. За историей.
А чего за ней следить.
Особенно если кончилась.
Тем более — если нет.
Да, если у нее репертуар ограниченный.
Ага. Демократия или тирания. Всего и делов. Верно, Базиль Модестович?
Отчасти да, Цецилия, но вообще нет... Первое что-то запаздывает...
То есть (широко раскрывает глаза) их больше?
Зависит от географии. Европейская, например, истории мало вариантов оставляет. Чем больше страна, тем их, Цецилия, меньше. У большой страны их вообще только два. Либо могущественной быть и всех в бараний рог скручивать. Либо — наоборот. Хоть Дойчланд взять, хоть Русланд. То они великие, то они раздробленные. Полвека так, а полвека — этак.
Округляю, конечно. Для наглядности.
То есть, как Петрович? То он преследует, то — его?
Вроде. Потому он и внутренних дел.

Н-да, православным теперь не до внешних.
Католикам тоже не очень.
Не говоря — неверующим.
Да, теперь лютеранам черед пришел в Европе распоряжаться.
Поэтому и Густав до сих пор — финансовый?
Именно.
Теперь дела у нас только внутренние и финансовые.
Плюс культура.
Конечно.
У малых стран культура — большой плюс. Даже если у них вариантов больше.
Да кто их считал!
Ну, все-таки. Олигархия, теократия, партократия, бюрократия, анархия, оккупация, утопия.
Минимум семь.
Ну, с Базиль Модестычем нам это не грозит... Первое что-то долго не несут.
Да какие там семь! От силы — три.
Все-таки мы между двумя великими державами. Что упрощает выбор.
Да: сфера влияния.
Это если они великие не одновременно.
А если одновременно, то и еще проще.
Просто раздел.
Эх.
Н-да.
То-то и оно...
Кто старое помянет...
Появляется Матильда в леопардовой шубке на голое тело,
каты перед собой тележку, на которую водружен поднос с дымящейся едой.
Первое!
Наконец-то!
Валентино?
Карден.
А шарфик?
Шарфик Гермес. Леопардовый...
Горячее...
Что у нас сегодня, Матильда?
Утка пекинская, креветки сечуанские, поросенок хунаньский. И пельмени.
Опять китайское!
Не привередничай, Петрович.
Вкусно ведь ужасно.
Главное — разное. Первое. Второе. Третье...
Да я не привередничаю. Просто палочками есть — пытка.
Ну, это вас никогда не останавливало.
Густав!
Какое разнообразие все-таки!
Гастрономический вариант демократии, ни дать ни взять.
То-то они с политическим не торопятся.
Мы — тоже. Хотя у нас — диетический.
Да ты представь себе парламент ихний. При миллиардном-то населении. Там голосуй не голосуй.
Да, представь, что ты в меньшинстве. Что 70 процентов за, а 30 процентов против. Все равно триста миллионов.

И все палочками едят. Это если на два помножить, шестьсот миллионов палочек получается.
Для одного только меньшинства.
Может, нам им лес на палочки продавать, а, Густав?
Нельзя, Базиль Модестович. Страна в год облысеет. Да и народу у нас на это не хватит. Даже если процесс механизировать. Не говоря — вручную. Хотя ручная работа лучше оплачивается. Теоретически.
Может, спички тогда?
Спички — шведская монополия.
Да и не все китайцы курят.
Но которые в меньшинстве — должны.
Верно; взять хоть нас. Вся нация дымит...
А еще можно спички вместе с сигаретами выпускать. С этой стороны пачки — наждак, а с этой — спички. А то их всегда ищешь. Шведы до этого вряд ли додумаются.
Да у нас же табак не растет.
Ну, на „Мальборо“ можно наклеивать. Вручную или механизировать.
Что скажешь, Густав?
Да где нам столько „Мальборо“ взять?
Что да, то да.
Жуют.
Жалко такой рынок терять. Даже если только на меньшинство ориентироваться.
Не говоря уже о том, что это была бы поддержка демократии.
Может, наручники им продать, Петрович? А то лежат, ржавеют.
Во-первых, из нержавеющей стали они. Во-вторых, сколько их у нас? Мы их покупали из расчета на одну треть населения. А у китайцев в одном Шанхае народу больше, чем у нас, включая новорожденных. И вообще — наручники продавать — большинство поддерживать. То есть тиранию. Западу не понравится.
Ты бы об этом, Петрович, раньше подумал.
Так я же брал их со скидкой! Как особо дружественная держава.
Все равно. Вот куда весь наш золотой запас и ухнул.
Да, теперь расхлебываем.
А нельзя большинству продавать наручники, а меньшинству — ключики?
Это, Базиль Модестович, статус кво поддерживать. Западу не понравится.
Жалко все-таки такой рынок терять. Тем более, утка замечательная.
Не говоря — креветки.
А баранина?
Арабские страны еще есть. Там все курят.
Да, и большинство и меньшинство.
И у всех — „ронсон“.
Тоже, между прочим, из нержавеющей стали.
И одежда у них тоже такая: не поймешь, где руки прячут.
Там, где „ронсон“ лежит.
Не говоря — чадра.
Это чтобы каждую бабу мужиком обеспечить. Независимо от внешних данных. И никаких тебе там трагедий Шекспира. В худшем случае шок первой ночи, да и тот — взаимный.
Петрович, как вам не стыдно.
Им не наручники нужны, а...
Петрович!!! За столом все-таки.
Да ладно уж вам! Ты-то, Цецилия, чего? Ты-то лучше других знаешь, что с литературой у них швах. Ни тебе Лютера, ни тебе Вертера.
Что да, то да.

Жалко все-таки такой рынок терять. Может, бекон им наш продавать, Густав?
Сначала поголовье свиное надо наладить. Хотя бы в довоенных масштабах.
Ну, это не сложно. В конце концов, они не воевали. Восстановим...
Так ведь на то и займы.
С другой стороны, Базиль Модестович, сура 16-я Корана гласит: „Кто ест свинью, сам свинья“.
И рыбу они тоже не любят. Угря тем более.
Портится быстро.
Жуют.
И вообще займы нам не под это дают.
???
Там все это конкретно оговаривается.
???
Ну, во-первых, на нужды Государственного Совета.
Так. Это понятно. Это — мы.
Во-вторых, создание новых демократических структур и проведение реформ.
Примерно то же самое.
Потом на развитие современной технологии.
Из той же оперы.
Последний — самый крупный — на освоение национальных ресурсов...
Я это, Густав, и имел в виду.
В частности, водных. „Водных“ подчеркнуто.
Правильно. Набережную давно пора отремонтировать. Мне моего пуделя выводить стыдно.
Замолчи, Цецилия... Что это они имеют в виду, Густав?
Что вода — наше главное национальное богатство.
А что! Они правы. Одни озера чего стоят! Не говоря про выход к морю.
А реки? Не говоря про болота.
На карту посмотришь — пить хочется.
Или со спутника.
Следят все-таки. Я имею в виду — за географией.
Хотелось бы знать только, как их осваивать.
Это в займе тоже оговорено. Мы должны начать производство газированной воды в европейском масштабе.
Хотя могли бы и в азиатском.
На карту посмотреть — и в мировом. Прожилки эти всюду синенькие.
Как ляжки у Цецилии.
Петроооооович!
К 2000-му году, они считают, можем стать монопольными производителями газировки.
Так это — когда еще будет.
Сначала дожить надо.
Мне только год до пенсии.
Кроме того — выборы.
А займы — вот они.
Все смотрят на Густава.
Густав пятится, прижимая к себе туго набитый портфель.
Что это вы на меня так смотрите?
Как?
Так.
Как „так“?
Вокруг Густава постепенно смыкается кольцо.

Сами знаете.
А ты не бойсь.
Да. Это не больно.
Никто тебя не обидит.
Цецилия, мишку загороди.
Так он же не одушевленный.
Это еще проверить надо.
Ой! Трое на одного!
Большинство называется.
Ой!
Не бойсь, говорю.
Ой! Ой! Ой!
Короткая схватка. Петрович с портфелем Густава.
Люди гибнут за металл. Как говорил Шаляпин.
Гуно, „Фауст“.
Все-таки при социализме до рукоприкладства не доходило.
Базиль Модестович?
Я имею в виду, на заседаниях кабинета.
Дензнаки были другие.
И вообще — ценности.
Их как раз не было.
Поэтому и не доходило.
Н-да...
То-то и оно...
Сколько там, Петрович?
Согласно накладной, два миллиона.
Чего: марок?
Нет, долларов.
Другие дензнаки.
Значит, по пятьсот тысяч каждому.
То есть как это каждому?! Густаву тоже?
Густаву тоже.
Да он же отдавать не хотел, господин Президент! То есть Базиль Модестыч. За что ему? Он же сопротивлялся!
Он такой же член кабинета, Петрович, как ты, Цецилия или я.
Да, просто в меньшинстве оказался.
Демагогия! Мозги у вас от демократии размякли, что ли! Да наша доля увеличивается на пятьсот тысяч. Это даже если на три разделить...
Пятьсот на три разделить — тем более поровну — даже Густав не сможет. Тем более — ты. А я и не буду! (Взрывается.) Ни на четыре, ни на три, ни пополам! Пошли вы все в задницу! Буржуи мягкотелые! Гнилье! Всё — моё! Я отобрал, и это — моё! Пока. До встречи в Париже!
Бросается к выходу.
Путь ему преграждает медведь с револьвером в руке.
Не валяй дурака, Петрович. Сядь и кончай пельмени, а то остынут.
Петрович, совершенно уничтоженный, бредет к столу,
бросает портфель на стол и садится.
Топтыгин теперь, значит, на тебя работает.
Для меня это, честное слово, Петрович, такая же неожиданность, как и для тебя.
Просто ученый медведь, Базиль Модестович. Пережитки фольклора. Цыгане раньше на

ярмарке с таким выступали.

Но — неодушевленный.

Единственное утешение. Но надо еще проверить.

Многоцелевой робот, наверное. Непрерывная трансляция плюс защита интересов вкладчиков. Логическое завершение принципа скрытой камеры,

Я и говорю: следят.

Так ведь только за экономикой, Петрович.

Цецилия, дай Густаву воды.

Спасибо, мне уже лучше.

Тогда садись и кончай кровати.

С пивом, Густав. Пиво еще осталось.

И ты тоже, Петрович. Охолонуть не мешает.

Да я, Базиль Модестыч, уже.

Между прочим, Петрович, ты на каком языке в Париже объясняться собирался?

Ну, на этом. Там эмигрантов наших полно. Половина до сих пор на меня работает.

А деньги куда?

Ну, в банк, наверное.

В какой?

Да не все ли равно? Зачем зря мучаешь, Базиль Модестыч?

А ты представляешь себе, какие там налоги? Представляешь себе, что налогами этими тебя бы обобрали в одночасье — особенно если без гражданства — почище, чем ты только что пытался нас?

Зачем человека зря мучить?

Затем, что деньги лучше вкладывать помалу в разные вещи, чем в банке держать, Петрович. Пора бы тебе это знать, тем более — пенсия не за горами. Землю хорошо купить или, скажем, дом. Недвижимость, словом. И лучше это делать отсюда, чем на месте: опять-таки из-за налогов.

Да что ж ты, Базиль Модестыч, со мной делаешь...

Эх, Петрович, все мы тут — люди временные. И ты, и Густав, и Цецилия, и я. И не потому что демократия с ее выборами — с этим-то мы разберемся. Просто возраст не тот. К 2000-му году нас тут не будет, и газированную монополию — даже если она наступит — мы не увидим. В худшем случае, нас свергнут, как сам знаешь где в 17-м году, в лучшем — марку выпустят за то, что демократию ввели. Так что не надо все самому хватать, надо и о других подумать. Не говоря о том, что и вообще на четыре всё делится как-то легче, чем на три.

Базиль Модестыч, голубчик ты мой...

Петрович, не превращайся в бабу.

Да, Петрович, выпейте пива.

Входит Матильда в пятнистой, а-ля леопард, комбинации, катя перед собой коляску, на которой возвышается большая картонная коробка, на которой стоит поднос с десертом. Медведь „настраивается“ на Матильду.

Десерт, дамы и господа! А это (указывая на коробку) для вас, господин Президент. Из Лондона. И еще, господин Президент: в городе большая демонстрация. Направляется к дворцу. Бон апети, дамы и господа!

Гермес?

Видадь Сассун.

Матильда выходит.

Они теперь повадились уже и по вечерам шляться.

Вряд ли это серьезно.

Тем более вечером иностранные корреспонденты ужинают.

Не то что местные!

Может, из-за цен?
Вряд ли. Ценами теперь не удивишь.
Может, опять канализационные трубы лопнули?
Да, вчера ночью мороз был сильный.
Скорей всего, это мои новые законы против нищих.
Полицию, что ли, вызвать?
В самом деле, Петрович, позвоните и узнайте, в чем там дело.
Ладно, только торт шоколадный с абрикосами не весь съедайте.
Петрович идет к рабочему столу Главы государства, поднимает трубку и набирает номер; в то же время медведь оборачивается к окну и обращает свою морду вовне.
Густав, подели торт на четыре части.
С удовольствием.
Не то что портфель, а?
Портфель невозможно.
Да тем же ножом.
Ха-ха.
Не могу, господин Президент. Национальное достояние.
Густав, вы — душка. Национальное!
Вон нация твоя — к дворцу идет.
Может, он сам их и подговорил.
Как вы можете так думать, Базиль Модестович!
Что слышно, Петрович?
В полиции занято.
Как? Они уже полицию заняли?!
Да нет, телефон.
Телефон и телеграф?
Успокойся, Цецилия. Просто занято. Короткие гудки.
А-а-а...
Торт возьми. Чудный. Густав тебе отрезал.
Сначала дозвонюсь.
Да не волнуйся ты! Вон Топтыгин на стреме.
Торт-то торт, а как насчет этого? (Кивает на портфель.)
Тем более, к дворцу идут.
Густав говорит: нельзя. Национальное достояние.
Чегоооо? Опять, сука, за свое?
Всего два миллиона.
А остальные где?
Десять процентов займа, господин Президент, наличными. Чтобы ускорить закупку стекла в Швеции.
Какого стекла?
В какой Швеции?
Ты что — спятил?
Стеклотара для фабрики газированной воды. Посуда по-вашему.
Да мы свою сдадим.
Да на мои бутылки денщик мой уже троих детей в люди вывел. С высшим образованием.
А я собираю. Наклейки красивые. „Мартель“...
В самом деле, Густав: объявим кампанию по сбору. В национальном масштабе.
Чего-чего, а бутылок в стране навалом.
Швецию за пояс заткнем.
Да они же разнокалиберные.

Гуууустав! Не валяй дурака!
К дворцу же идут!
Времени мало!
Давай сюда портфель.
Цецилия, медведя загороди.
Он все равно в другую сторону смотрит.
Тем более.
Я не могу! Я протестую!
Держи пятьсот косых и заткнись.
А это — мне.
А это — мне.
Это, Базиль Модестович, ваши.
Спасибо.
Пауза.
Это нарушение...
Вот зануда!
Говорил я: не надо ему давать.
Независимо от его взглядов, Петрович, он тоже не мальчик.
Ну да — христианские чувства...
Скорей — дело принципа.
Да, в конце концов — демократия.
Так мы никогда в Общий Рынок не вступим.
Кончай нудить.
Тем более, к дворцу идут.
В самом деле, Петрович. В чем там дело? Позвони.
Сейчас.
Петрович идет к телефону и набирает номер.
Медведь отворачивается от окна.
А? Чего? Сколько тысяч? Двадцать-тридцать? Молодежь, говоришь? В коже? Чего?
Возбужденные? Поддатых много? Транспаранты и лозунги? Ага. Не понимаю, повтори. Не
понимаю, повтори по буквам. Что значит — иностранные? Го хоум, что ли? Повтори,
говоря, по буквам. Так. Хэ. Е. Вэ. И. Эм. Е. Тэ. А. Эл. Опять Эл? Да, записал. Нет, не
понимаю. Абракадабра. ХЕВИ МЕ ТАЛЛ, что ли? Цецилия! ХЕ-ВИ-МЕ-ТАЛЛ. На
лекарство похоже. На каком хоть языке?
Точно, что не немецкий.
И не русский тоже.
Тогда не страшно.
Английский, что ли?
Матильдаааа!
Медведь настораживается.
Входит Матильда в одних чулках пятнистой, а-ля леопард, расцветки.
Взгляни-ка, Матильда, что Петрович тут записал.
Требования демонстрантов.
Вернее, лозунг.
Наверное, „долой“, но на каком языке?
Минутку-минутку.
Скорей!
Да они к дворцу подходят.
ХЕ-ВИ МЕ-ТАЛЛ.
А-аа, это по-английски. ХЕВИ МЕТАЛЛ.

Что это значит?

ХЕВИ МЕТАЛЛ значит ХЕВИ МЕТАЛЛ. Рок-музыка такая.

Телодвижения.

Видаль Сассун?

Видаль Сассун.

Матильда выходит.

А-а, у них концерт сегодня на стадионе.

Да, по культурному обмену.

А ты, Цецилия, нервничала!

Так ведь толпа!

Толпа, говорят тебе, Цецилия, всегда в форму отливается. То ли улицы, то ли площади, то ли стадиона. На то они и существуют. Чтоб выбор был.

Я думала — площадь.

Когда площадь, это демонстрация.

Или — митинг.

Или революция.

Революция — это когда во дворец врываются.

Во дворец врываются, когда стадиона нет.

А у нас есть.

Да. Сразу же за дворцовым парком.

Это тебе не 17-й год.

Тем более что история кончилась.

В градостроительстве мы чего-то все-таки добились.

Да, не стыдно.

Тогда, может, деньги вернуть?

Гууустав?!

Они же на стадион валят.

Ну и?

ХЕВИ МЕТАЛЛ слушать.

Ну и?

То есть во дворец не врываются.

Продолжай свою мысль.

Значит...

Значит, Густав, что им не до газированной воды. И не до займа. Верней, не до десяти его процентов.

А нам — до!

До десяти процентов, во всяком случае.

Мы же на стадион не несемся.

Даже Цецилия. Хотя и министр культуры.

Не тот возраст, Густав.

Не та — музыка.

Даже не джаз.

Да, не Армстронг.

С какой стати деньги им отдавать!

Так ведь — национальное достояние!

Да это же толпа.

Они только бум-бум понимают.

Децибелы.

Дебилы и децибелы!

Им ХЕВИ МЕТАЛЛ подай!

А это — ассигнации.
Дикари.
Не говоря — свергнуть готовы.
Так мы в Общий Рынок никогда не вступим.
Заладил!
Да и что в нем хорошего?
И в каком-то смысле даже вступим.
Вернем им у них же взятое.
Да, приобретя недвижимость.
Некоторые уже вступили.
Густав, как вы смеете!
А у кого дом в Биаррице и ферма в Провансе?
Клевета!
Не клевета, а вырезки из газет.
Желтая пресса!
Да, была красная, а стала желтая.
“Фигаро“ и „Ле Монд“?
Да хоть „Нью-Йорк Таймс“.
Господа министры! Ты, Густав, особенно...
А кто устрицы и разносолы китайские хрупает? Бургундским запивает?
Так на Западе, Густав, весь пролетариат питается.
В этом смысле действительно вступили.
Верней, соединились.
С пролетариатом одной страны, по крайней мере.
Да, с французским.
Но это — коррупция! Грабеж! Расхищение национального достояния! (Угрожающе.) Народу это может не по-нра-вить-ся. Западу — тоже.
Ты на что это, гнида тевтонская, намекаешь? Базиль Модестыч, его надо брать!
Господа министры! Успокойтесь. Ты, Петрович, особенно. Брать никого не надо. Иначе — правительственный кризис. В другой раз, Густав, сосиски закажем и пиво из Дортмунда.
Устраивает? „Мерседес“, на худой конец, купим — хотя дороги, конечно, не ахти. У Густава, господа министры, расхождения с нами прежде всего гастрономического характера. Плюс естественная при его происхождении франкофобия. Коробит его, когда марки во франки превращаются. Не говоря — в доллары. Как от чеснока. Протестантская закваска; восходит к Лютеру. Скуповат и предпочитает постное.
Поэтому и финансовых дел.
Да просто Бундесбанк представляет.
А говорит — национальные.
Теперь это одно и то же.
Поэтому домик тебе, Густав, надо покупать не в Провансе, а, скажем, в Баварии. Небольшой такой, двухэтажный, с участком. Флоксы с георгинами; летом пчелы жужжат, Альпы вдали синеют...
Белеют.
Ну, если хочешь — белеют. Можешь его даже Берхтесгаденом назвать...
Лучше в Тюрингии.
Может, ты и прав: лучше в Тюрингии. Климат более умеренный, да и ландшафт помягче, а то знаешь, как в нашем возрасте в гору...
Да там у всех „мерседес“!
Так-то оно так. Но, честно сказать, я бы лично в Шлезвиг-Гольштейне купил. Море, во-первых; потом — архитектура ганзейская. Театры в Гамбурге хорошие, не говоря — порт.

Улицы тоже для моциона длинные. Утром Дитриха Фишер-Дискау по радио слышно...
В Гамбурге все-таки цены высокие. Тогда уж лучше в Любеке. Тем более там Томас Манн жил.
Да, он там „Будденброки“ написал.
Молодец, Цецилия!
Хотя я „Доктор Фаустус“ предпочитаю.
А я, знаешь, „Волшебную гору“.
А я все-таки „Будденброки“ и „Верноподданный“.
Н-да, „Будденброки“...
То-то и оно...
Эх...
Вот свергнут нас или, там, не переизберут... Разъедемся мы по белу свету, будем письма друг другу писать... Приятно все-таки будет от Густава весточку из Любека получить? А, Цецилия? Или из Тюрингии?
Да уж конечно. Как в старые времена. В девятнадцатом веке. До всего этого. Правда ведь, Петрович?
Да чего уж там. Хоть из Баварии...
Пауза.
Нет, я уж лучше из Любека... (Пауза.) Но если не свергнут... Если, грубо говоря, переизберут? Мы все-таки демократию ввели. Петрович — он вон людей из-под замка выпустил. И Цецилия ХЕВИ МЕТАЛЛ разрешила.
И в Рынок в каком-то смысле вступили...
В конце концов, кто-то должен сказать „а“...
Да? И что тебя беспокоит, Густав?
Что фининспектора пришлют. Проверять приедут. Не говоря — войска введут...
Да на кой им это, Густав? Страну в долг загнать — куда более надежная форма оккупации, чем войска вводить.
Да, они не как славяне.
Не отсталые.
Передовая технология.
Тем более — история кончилась.
Устала повторяться и кончилась.
А фининспектора мы с Матильдой познакомим.
На „Лебединое“ контрамарку дадим.
Водные ресурсы все-таки.
Да, в рамках ознакомления.
Матильда его и ознакомит.
Нет! На „Лебединое“ его отведу я.
Ну, если хочешь.
Все-таки — министр культуры.
Это и будет твоя, Цецилия, Лебедина Пенсия.
Ха-ха!
Пауза.
Кроме того, если переизберут — никакого Любека.
Ни Биаррица, ни Прованса тоже.
Могут переизбрать.
Нас же на постоянную работу назначили.
Номенклатура все-таки.
Н-да. Ни Парижа.
Ну, на этот случай, господа министры, у нас есть выход. (Похлопывает по картонной

коробке.) И тем самым — у нации.

Что вы имеете в виду, Базиль Модестович?

Это.

Что — это?

То, что в коробке.

А что в ней?

Там находится...

Погоди-погоди, Базиль Модестыч, не говори! Я знаю! Сейчас скажу... Там находится...

Арбуз!

Телескоп!

Видео!

Пальцем в небо, господа министры. А еще мозг государства. Виноват — нервный центр... В ней находится будущее страны вообще и наше с вами, в частности. В просторечии — компьютер.

В каком это смысле — наше?

Работать на нем, что ли?

Клавиши нажимать?

Для этого Матильда есть.

Да, я не Горовиц.

А у меня просто артрит. Суставы трещат, господин Президент. Хотите послушать?

Суставы и у меня трещат. (Пауза секунд на тридцать; общий хруст суставов.) Но работать на нем не надо: он сам работает.

Как так?

От сети. Его только в сеть включить, а там он уже сам действует, потому что запрограммирован.

Кем?

Как?

На что?

Не помню, то ли в Гарварде, то ли в Оксфорде. У них там целая серия „Малых стран“ есть. Software называется. Включает программы по экономике, политической структуре, обороне, экологии, нацменьшинствам и т.д. Диски такие пластмассовые, по-нашему — пластинки. Ставишь такую пластинку, она и играет. Сам дома сидишь или, например, в Любеке и наслаждаешься.

Как?

Да по радио. Или — если хочешь — телевизор включи. Топтыгин же здесь круглые сутки околачивается.

А если электричество отключат — тогда как?

А компьютер тогда на батарейки переходит. Автоматически.

Ну и?

Ну и, ну и, ну и. Пластинка играет, и нация процветает.

А как же культура, Базиль Модестович?

С культурой тоже пластинка есть. „Лебединое“, например, каждый вторник. Может быть, даже чаще. В общем, с природы списано.

Реализм, значит?

И реализм, и натурализм, и даже немножко импрессионизм.

Но не кубизм?

Не кубизм. Хотя иногда немножко ташизм.

В общем, абстракционизм.

Да, футуризм.

Чудеса!

Где вы его только нашли, Базиль Модестович?
В газете реклама была. По почте и заказал.
А где гарантия, господин Президент, что нам это подойдет?
Так ведь я же „Малые страны“ взял, Густав. Я же не „Великие державы“ выбрал. У них и это есть, и „Третий мир“. Даже „Примитивное общество“. Пигмеи там всякие и папуасы.
„Кочевников“ тоже предлагают. А я „Малые страны“ выбрал.
То есть?
То есть, то есть! Примерно с нашим объемом населения. С нашим примерно географическим положением. Я специально смотрел, чтобы там гор не было. Или хуже того — пустыни.
География — она, Густав, предопределяет. Ибо нет населения без географии.
Хотя она без него бывает.
Да, пустыня, например. Или Куэнь-Лунь. Или Атлантика.
Пустыня может быть вертикальной и горизонтальной.
А у нас этого нет.
Зато у нас есть история.
Да, населения без истории не бывает.
Истории без него — тоже.
Ну да, не бывает! А римская?
А греческая? А средних веков?
Не говоря — Ренессанс. Не говоря — Просвещение.
Но такой истории, как у нас, нет.
Хотя она и кончилась.
Тем более.
Да, такой истории, как у нас, ни у кого нет. Но пластинка ведь не в девятнадцатом веке начинается. И даже не в 17-м году, и не в 45-м. А то бы население чарльстон и буги-вуги танцевало.
И фокстрот, и танго, и матчиш, и кек-уок, и твист, и шейк, и...
Да, это был бы анахронизм, Цецилия. Даже если и ламбаду.
Когда же она начинается?
А когда ее поставишь и в сеть включишь. Допустим, завтра переизберут, завтра и включим.
Или через год. Или через два.
И что тогда произойдет?
Да ничего особенного, Петрович. Ну, сначала цены к Рынку приравниваются. Скажем, у них колбаса два доллара кило, и у нас тоже. У них штаны тридцать долларов — и у нас.
Марок, господин Президент.
Да, Густав, прости. Марок.
Или — экю.
Да хотя бы и иен.
Но как приравниваются? Искусственно?
Автоматически, Петрович. Автоматически.
А если их нет?
Кого?
Долларов этих. Верней, марок. Или там экю.
Тогда либо заем компьютер берет, либо Монетный двор их печатает. Опять же автоматически.
А сколько?
А он сам вычислит. Исходя из объема населения и его потребностей. Ну, сколько там средний человек в год колбасы съедает. Или пива выпивает. Или штанов ему надо и в кино сходить. Вот эта вещь все это вычисляет и потом либо заем берет, либо сама банкноты печатает.

А потом?

Потом суп с котом! Потом человек на работу идет. Человек вообще зачем на работу ходит? Чтоб деньги получать. Ну вот там ему и говорят, чего делать, чтобы деньги получать.

А они откуда знают?

Да компьютер им сообщает. Автоматически.

А он откуда знает?

А ему Общий Рынок сообщает.

А Общий Рынок откуда?

От верблюда. У попа была собака. Сказка про белого бычка. Какая разница, Петрович, откуда Общий Рынок знает, раз компьютер знает. Что важнее, причина или следствие? Следствие, разумеется.

Правильно, Петрович. Вот компьютер и знает. Что производить, в каком объеме, откуда сырье, куда сбывать.

Колется? Признается, то есть?

Если настаиваешь. Главное ведь в чем — чтоб голову не ломать: бекон или газировку или тяжелая промышленность. Вот он и решает: что, когда, где. Автоматически. Сроки устанавливает.

Вернее, дает?

Если настаиваешь. Главное, что автоматически. И голову ломать не надо. Ни нам, ни населению.

Просто тянуть.

Ну, если угодно. Но — разные.

Да, люди не все одинаковые.

Ага, даже у нас.

Запросы все время меняются.

Ага, то им то подай, то это.

С требованиями все время выступают.

Ну, это все учтено. С поправками в определенных пределах.

И само население тоже меняется.

Ага. Прирост там, смертность, эмиграция.

Учтено-учтено, Густав. Смертность особенно. Ничего нет легче учесть, чем смертность.

Да, даже нам в свое время удавалось.

Регулятор жизненных стандартов, если вдуматься.

Кое-где просто гарантия их повышения.

Или — стабилизации. Например, Эфиопия.

Или — Бангладеш.

Нет, там — повышения.

Макабр.

А если человек на работу решит не идти?

Да, если он в отказе?

Решит, что мало платят, и не пойдет.

Или — что Золотой век настал.

Нет, серьезно — если профсоюз забастовку объявит?

Демократия все-таки.

Откуда я знаю, господа министры! Не я же пластинку записывал. Ну, либо полицию вызовут, либо профсоюз в долю примут. С натуры же списано.

Н-да, техника.

Главное, что — автоматически.

Так ведь и вариантов немного.

Взять хоть ту же рождаемость.

Не говоря — смертность.
Вообще — потребности.
И потребности, и способности.
Жалко, раньше до компьютера не додумались.
Ну, отчего же! Додумались. Государство, например. Оно ведь, в сущности, лишь его разновидность. Только громоздкая. Правительство, например. Политические системы разные, не говоря — партии.
И демократия?
И демократия. Просто больше места занимает.
И никакой автоматике. Сплошной индивидуализм, и все вручную.
Ну уж и вручную! Налоги, например, взимаются автоматически.
Так то налоги.
И выборы. Тоже автоматически.
Ну уж и автоматически! Ритмически!
И статистически.
Практически арифметически.
Н-да.
А если все-таки свергнут... Если народные массы...
Для этого стадион есть...
Ну, не массы... Но если армия взбунтуется?
Да чего ей бунтовать?
Тем более — трехразовое питание.
Не то что некоторые.
Спасибо еще должна сказать.
В самом деле.
Но все-таки. Если — государственный переворот? Дворцовый мятеж. Путч. И в результате — свергают...
Ах, Густав, Густав. Свергнуть можно только индивидуума. В худшем случае, правящую, как говорится, клику. Царя, тирана, политбюро, хунту. Вся прелесть компьютера, Густав, в том и состоит, что он не личность, а машина. Его к стенке не поставишь, на фонарь не вздернешь. Даже в морду плюнуть нельзя. Он если и зло, то — неодушевленное. Как, впрочем, и в том случае, если он — добро. А неодушевленное зло, Густав, терпеть проще. Нам ли этого не знать.
Вы хотите сказать, Базиль Модестович, что он еще семьдесят — стоп (пересчитывает на пальцах) — еще семьдесят четыре года протянет?
Ну, это, Цецилия, как минимум. Одно могу сказать, свергнуть его нельзя. При всем желании. То есть он — как бы новая номенклатура.
Примерно.
А мы тогда — как бы старый он.
Вроде того.
Но тогда — тогда его можно сломать.
Теоретически.
Хотя нас нельзя.
Практически. Теоретически — тоже.
Да и кому в голову придет его ломать, Петрович?
Да мало ли кому! Он же все правительство без работы оставит. Весь государственный аппарат. Они и придут ломать.
Луддиты новые.
Может, тогда заминировать его, Базиль Модестович?
Ну, луддитов это не удержит.

Атомную бомбу вмонтировать.
Я думал об этом, Петрович. Но это — Женевскую конвенцию о нераспространении нарушать.
Да какое же это распространение! Братья-славяне вон их сколько в болотах оставили.
Ха! В этом что-то есть! В конце концов, это, может быть, выход. Во всяком случае — довод.
У других его нет.
Поэтому им и не до компьютера.
Да, бояться нарушать.
Великие державы особенно.
Еще бы! У них государственный аппарат гигантский.
Там никакой бомбы не хватит.
Вмиг бедный компьютер разнесут.
Безработица — ужасная вещь.
Луддиты.
Да, авансом. Еще до внедрения новой техники.
Потому, видать, они и Женевскую конвенцию придумали.
Чтоб компьютер легче ломать было.
Хотя он ни в чем не виноват.
Пауза.
В конце концов, можно ведь и не ломать.
???

Можно просто не включать.
Пауза.
Одно слово — луддиты.
Пауза.
Заминируем, Базиль Модестыч? А?
Другого выхода, боюсь, нет. Господа министры, кто — за?
Петрович и Цецилия поднимают руки.
Неужели другого выхода нет?
Густав, вспомни Любек.
Густав поднимает руку.
Матильдаааа! А ты, Цецилия, отвлеки Топтыгина.
Если удастся...
Петрович!
Цецилия поднимается и подходит к медведю.
Пантомима соблазнения.
Пружинистым шагом, двигаясь со звериной грацией, входит Матильда в чем мать родила, но с хвостом леопарда.
Господин Президент, вы меня вызывали?
Да. Меморандум продиктовать. Записываешь?
Сию секунду.
Диктую: Министру вооруженных сил. Совершенно секретно. Прошу доставить в президентский дворец атомную бомбу мощностью до двадцати мегатонн. Портативный вариант предпочтительнее. Срок исполнения — двадцать четыре часа. По поручению Государственного Совета: Президент. Записала?
Ага.
Может, все-таки лучше нейтронную, Базиль Модестыч?
Пожалуй, ты прав, Петрович. Матильда!
Слушаю.
Зачеркни „атомную“, поставь „нейтронную“.

Готово.

А чем, Базиль Модестович, нейтронная лучше атомной?

Объясни ему, Петрович.

Видишь ли, Густав, если атомная или, допустим, водородная, то — всему кранты. А с нейтронной — нам, скажем, кранты, а бутылки стоят.

Давай, Матильда, подпишу. (Подписывается.) Ступай, переводи. Постой, это — что за маскарад?

Медведь отталкивает Цецилию и подъезжает вплотную к Матильде.

Это не маскарад, господин Президент. Я решила записаться в хищники.

Чтооо?

Езус Мария!

Спятила!

Ну дает!

В хищники. В разряд кошачьих. Точней — в леопарды.

И можно узнать, почему?

Прежде всего, господин Президент, потому что история кончилась.

И?

Когда кончается история, начинается зоология. У нас уже демократия, а я еще молода.

Следовательно, мое будущее — природа. Точней — джунгли. В джунглях выживает либо сильнейший, либо — с лучшей мимикрией. Леопард — идеальная комбинация того и другого. Плюс, я — самка. Период беременности — девяносто дней; помет — до восьми котят. Это, согласитесь, куда лучше, чем мои исходные данные. Плавать и лазать по деревьям я уже умею. Длина хвоста достигает девяноста сантиметров, даже искусственного. И каким же образом ты намерена превратить его в естественный?

Прежде всего — внутреннее отождествление. Вживаешься в образ. Подбираешь диету.

Сырое мясо...

Ты имеешь в виду „стейк тартар“?

Да, учитывая наше географическое положение... Затем — медитация. Затем — вылазки на природу. Упражнения в ориентировке без компаса и по развитию обоняния, плюс бег по пересеченной местности. Если камуфляж, то лучше от Диора или Живанши, но лучше без, так как с этим у нас перебои.

Ах, но это же чистый Станиславский!

Да, голый человек на голой земле.

Вернее, голая баба на голой...

Петроович!

Да, как когда-то в партизанах...

Но без патриотического подъема.

То-то и оно...

Эх-ма...

Своего рода Маугли, но навыворот?

Вот именно, господин Президент. Честное слово, я не вижу впереди ничего, кроме животных. Сочетание человеческого облика со звериными нравами меня не устраивает — как, впрочем, и наоборот. Я — за чистоту эволюционной теории, не говоря — практики. Для меня будущее — абсолютная свобода, и леопард, если угодно, моя утопия. Кроме того, распространен в Китае, Индии, Средней Азии и в Северной Африке. Встречается в живописи и в скульптуре, не говоря — в геральдике. Говоря о прошлом, Помпей и Цезарь Август ввозили их в Рим. Поэтому я сейчас штудирую латынь.

Похвально-похвально. Но что будет с твоим французским, английским, немецким? Не считая славянских, не считая местного? У тебя все-таки дипломы. И по музыковедению тоже.

Для этого, господин Президент, существует подсознание. В просторечии — память.
Расположено у человека в мозжечке, точнее в гипоталамусе, то есть редуцированный хвост.
У леопарда, как я сказала, он достигает девяноста сантиметров.
Так-с. И когда предполагаешь озвереть окончательно? То есть — подать заявление об уходе?
Учитывая темпы тренинга, господин Президент, к следующим выборам.
Даже если меня переизберут?
Боюсь, что да.
О'кей, спасибо за предупреждение. Ступай переводи.
Слушаюсь. (Медведю.) А ну отзынь, грызло! RRRRRRRRRRRR!
Медведь в ужасе отшатывается.
Той же пружинистой походкой Матильда уходит.
Н-да, разница поколений.
Нам увядать, а им цвести.
Спятила, видать.
Все-таки напряжение.
Просто показатель всеобщего озверения.
Ну, это ты, Густав, хватил!
Да? А на стадион кто валит?
Так это же толпа. Демонстрация.
По-вашему, толпа — демонстрация, а по-нашему — стадо.
Ну, если приглядываться...
Вот именно! Носороги, бараны, буйволы.
Козлы!
И все прут куда-то! Мешают транспорту. Мне моего пуделя...
Транспорту?! А транспорт что такое? Особенно издали?
Четырехколесное, извивающееся...
Не говоря — такси. Всё пятнистое.
Действительно, озверение.
Вот она и нахваталась.
Поразительно, что у них еще возникают разногласия.
Козел барана за животное не считает!
Не что иное, как национализм.
Скорее — расизм.
Во всяком случае — шовинизм.
Дай им волю, они все между собою перегрызутся.
А ничего она Топтыгина отшила, а?
Ага! Получается.
Тем более что — неодушевленный.
Это на тебя, Цецилия, он неодушевленный, а на Матильду...
Петроович!
Чего „Петроович“? Вон у него — эрекция.
Петрович, да это же камера.
Какая разница!
А такая, что — постоянная.
Подумаешь! Постоянная камера. Экая невидаль.
“Подумаешь“? Непрерывная трансляция! Иногда — крупным планом! Крупным — общим,
крупным — общим.
Забыла ты, видать, Цецилия, как это делается.
Петрович, как вы смеете!
Поцелуй „в диафрагму“.

В самом деле, Петрович...

Ааа... (Машет рукой.) Сидят они небось сейчас там, на Западе, смотрят на экран и лыбятся.

А на экране — мы.

Н-да, этого им не понять.

Этого, Густав, никому не понять.

Пауза.

С другой стороны, им виднее.

Хотя и перебивается рекламой.

А еще говорила — постоянная.

Постоянная, но перебивается рекламой!

Может, раздеться до трусов и показать им „корнфлекс“?

Или — кетчуп.

Это только собьет их с толку.

Тем лучше.

Чем лучше-то, Петрович?

А тем, что если нам происходящее непонятно, то им и не должно.

Что ж, пожалуй, это единственный доступный нам в данный момент способ поменяться местами...

При этих словах все четверо плюс фиксирующий эту сцену медведь приближаются к рампе, держа в руках кто — пакет „корнфлекса“, кто — бутылку кетчупа, кто — блок „Мальборо“ и т.д.

Пантомима — жестикуляция и оскал — рекламы, секунд на 30.

Некоторое время смотрят в зал.

Видишь что-нибудь?

Нет.

А ты, Петрович?

Снег идет. Или это — помехи?

Помехи могут быть только у них. У нас — снег.

Разбредаются по своим местам.

Не думаю, что мы можем им что-либо продать.

Н-да, не с нашими внешними данными.

Даже ихнюю собственную продукцию.

Не говоря — отечественную.

Но и купить ничего не можем.

Это, пожалуй, утешение.

Н-да, рокировка не удалась.

Зато пат.

Остаются только займы.

С чудовищными процентами.

Я и говорю — пат.

Десять процентов — чудовищно? Ты считаешь, Густав, что наши десять процентов чудовищно?

Да я не про вас — ээээээ — нас говорю. Про нацию.

Но им же девяносто процентов остается!

Да, но девяносто-то эти процентов под двадцать процентов ссужаются! Нации их никогда не выплатить. Ни в этом поколении, ни в следующем. Даже если мы станем размножаться, как кролики. Петрович прав: действительно пат.

Тогда, может, не оставлять им девяносто процентов? Не обременять нацию? Оставим им восемьдесят — хотя даже это многовато... Оставим им семьдесят, а, чтоб бабам не надрываться? В конце концов, тридцать процентов мы можем взять на себя. Да и

компьютеру проще будет. Как думаешь, Базиль Модестыч?
Вообще-то грех отнимать у народа плотские радости. Особенно при демократии...
Так это же не демократия отнимает, а Бундесбанк!
Обсудим на завтрашнем заседании. Поздно уже...
Ах, я всегда мечтала, чтобы у меня был плавательный бассейн. Дно можно выложить мозаикой, как древние римляне. А еще лучше — большой телевизионный экран. Плаваешь и новости смотришь. Или — кино.
Завтра, завтра все обсудим, Цецилия... Матильдааааа!
Пружинистой походкой входит Матильда, таща на поводке трех искусственных леопардов.
В дочки-матери играем, а?
Вживаюсь в образ, господин Президент. Имитация среды. Ничто не может заменить осмос.
Синтетика, конечно, но узор отличается высокой степенью аутентичности. Пигментация представляет собой закодированную информацию, до сих пор не поддающуюся расшифровке. Скорей всего — звериный вариант паспорта или анкетных данных. Своего рода ур-письменность. (Наклоняется к леопарду.) Урр, урр, урррр...
Ну-ну. Меморандум перевела?
Перевела, зашифровала, телеграфировала, получила ответ, расшифровала. Вот. Так, так, так... (Читает.) Так. Генштаб уведомляет нас, что двадцатимегатонной в их распоряжении нет, но что есть несколько стомегатонных. Среди них — цитирую — несколько в компактном варианте, размером с кушетку или с кухонную плиту.
С кушетку! С кушетку, Базиль Модестович.
Будь по-твоему, Цецилия. С кушетку... Матильда, сообщи Генштабу, что хотим с кушетку. Срок исполнения — прежний. Совершенно секретно.
А поменьше у них нет?
Говорят, что нет. Да чем плохо с кушетку, Густав?
Расходы по транспортировке.
Так это же копейки, Густав.
Копейка рубль бережет. То есть, что я! Пфенниг — марку. Бензин дорожает.
Кушетка зато бесплатная.
И потом ведь не в валюте!
Что да, то да.
Значит, где я остановился, Матильда?.. Срок исполнения — прежний. Совершенно секретно. Шифруешь?
Ага.
Хороша секретность! А эти? (Петрович кивает на леопардов.)
Так они же неодушевленные.
Это еще проверить надо. Топтыгин ваш тоже неодушевленный, а вон как на Матильду пялится... (С этими словами Петрович приближается к леопардам и поглаживает первого.)
Уррр, уррр, кыса, кыса... (Внезапно резким движением засовывает руку леопарду под хвост; тот не реагирует.) Похоже, что вы правы... (Приближается ко второму.) Уррр, уррр, кыса, кыса... (То же самое движение, тот же результат.)... что неодушевленные... Но — доверяй, но проверяй... (Приближается к третьему.) Кыса, кыса, уррр-уррр-уррр, хвост какой роскошный, девяноста сантиметров, говорят, достигает, уррр, уррр... (То же движение, тот же результат.) Доверяй — но проверяй... Уррр, уррр... Котик-пушистый хвостик, кыса, кыса... (Совершенно поглощенный этим занятием, Петрович резко сует руку под хвост Матильде.)
УУУУУУУУУУУУ!
АЙАЙАЙ!
А говорили — неодушевленные, да?
Петроовииич! Петроовииич! Петрович! Петрович!..

Неодушевленные, да?! Неодушевленные?! Шпионаж! Мата Хари!.. ААААА!
В полном ажиотаже Петрович выхватывает наручники, валит Матильду на пол, наполовину собираясь ее арестовывать, наполовину насилловать.
Внезапно осознает противоречивость своих намерений. Их растаскивают.
Майн Готт! Как вам не стыдно, Петрович! Фе!
Н-да, вот вам и Станиславский...
Это же Матильда, Петрович...
Петрович в состоянии полного столбняка.
Д-д-д-довер-р-р-ряй, но п-п-п-ррррррровер-р-р-ряй...
Матильда рыдает.
М-да, боюсь, придется переходить на компьютер, не дожидаясь перевыборов.
Пауза.
Петрович в столбняке. Матильда рыдает.
Базиль Модестович подходит к Матильде.
Успокойся, детка, он нечаянно. Напряжение все-таки. При демократии приходится думать о массе вещей сразу.
По крайней мере, о двух.
А по-моему, он думал только об одном, Густав.
По-твоему, Цецилия, все только об этом и думают.
Матильда рыдает.
Базиль Модестович продолжает, поглаживая Матильду по голому заду.
Успокойся, успокойся. Напряжение, понимаешь, большое. Даже хуже, чем при тирании. О Западе, например (стреляет глазами в сторону медведя), приходится думать. О будущем. О настоящем тоже. Раньше-то только о Востоке. Плюс о прошлом. Целых два (ладонь скользит по ягодицам Матильды) новых времени, детка, прибавилось. Напряжение. От этого голова пухнет. Пухнет. (Движение бедрами.) Прямо-таки разбухает... Так, о чем это я? Да, так что он нечаянно...
Матильда всхлипывает.
Да, нечаянно! Грязное животное...
Но не хищник ведь, Матильда, не хищник. (Берет себя в руки.) Хотя, конечно, животное. Из всех животных (на лице отражение внутренней борьбы) человек самое опасное. Особенно при демократии, потому что она, как ты правильно сказала, граничит с зоологией. Инстинкты, понимаешь, при тирании в человеке дремавшие, просыпаются... При демократии от него даже хищникам достается, даже леопардам...
В будущем (всхлипывает) все будет иначе...
Это уж точно.
В будущем... А он хотел мне его испортить... (Всхлипывает.) Хотел в него загляяннууть... (Разражается рыданиями.)
Успокойся, успокойся... Ну что ты в самом деле, детка... На кой ему туда заглядывать? Чего он там (стреляя глазами в Цецилию и Густава) не видел? Да и не думает он о нем (взгляд соскальзывает к Матильдовым зарослям) совсем, я его знаю. Скорей всего, просто боится его. Болезней, например, или, там, кладбища... Вот он и кричит: шпионаж! одушевленные! И Мата Хари...
Ну, это скорее комплимент.
Особенно если с Гретой Гарбо.
Нет, я предпочитаю Жанну Моро.
А я так Марлен Дитрих.
Матильда перестает всхлипывать и ласкает игрушки.
Вы мои миленькие, вы мои одушевленные-неодушевленные...
Н-да, хорошее было кино, пока история не кончилась...

Вы мои кисоньки... В будущем все будет иначе...

Ты, Матильда, действительно смотри, чтоб котят побольше. А то когда животные в меньшинстве, они одомашниваются. Взять хоть местное население...

А когда в большинстве, господин Президент?

Тоже, знаешь, не сахар. Жрать вокруг нечего становится, все вытаптывается. Взять хоть супердержавы.

Так то травоядные.

Ну, когда жрать нечего, травоядные тоже мясом не брезгают. Кто знает, может, так и появились хищники.

Но плотоядное скорее нападет на травоядное, чем наоборот. Ибо плотоядное есть по существу всеядное, тогда как травоядное — нет. Взять хоть человека...

Травоядное, плотоядное, термоядерное — надоело!

Да! Взять хоть человека...

Так рассуждать, детка, зоология твоя очень быстро кончится и снова станет историей...

...Тем более — Дарвина. Выживает сильнейший. Или — с лучшей мимикрией. Закон джунглей...

Ах, Матильда, Матильда. Сильнейший... слабейший... закон джунглей... Не выживает, детка, никто. Это и есть закон джунглей. Также — смешанных лесов, равнин, гор, пустынь. Не выживает никто.

А... эээээ... произведение искусства?

Только потому, что перестает быть человеком, не становясь при этом животным. Не выживает никто. Заруби себе это на носу. Или запиши себе на хвосте. Своими уррр-знаками... Вообще, возьми карандаш и записывай, благо пришла в себя.

Да, я опять на задних лапах.

Значит, так. Повестка дня завтрашнего заседания... Петрович!

А? (Выходит из оцепенения.) Чего?

Застегни штаны и спрячь наручники; это и тебя касается.

Что?

Повестка дня завтрашнего заседания. Начинаем в обычное время. Первое: продолжение обсуждения национального бюджета. Второе: составление прокламации к населению о переводе работы Совета министров на научно-техническую основу, т.е. о введении компьютера. Третье: сообщение министра внутренних дел о реакции образованных кругов на новые законы против нищих. Четвертое: разное. Всё. На завтра хватит. На сегодня — тем более. (Встает.)

А как же открытие памятника, господин Президент?

Какого памятника?

Жертвам Истории?

Ох, совсем вылетело из головы. Когда?

В три часа пополудни.

Придется доверить это дело Петровичу. Я не смогу. Буду занят с кушеткой. Петрович!

Возьмешь мой „ролекс“.

Но он же внутренних дел, господин Президент. Как-то неудобно. Все-таки — Жертвам Истории. Может — Густаву?

Но он же финансовый. Хотя — только он один и может их сосчитать. Густав!

Да?

Возьмешь мой „ролекс“.

Данке.

Базиль Модестович, а может, лучше я? И „ролекса“ мне не нужно: я живу неподалеку.

Чудно. Идеально. „Министр культуры открывает памятник Жертвам Истории“. Западным журналистам это понравится... Кстати, где его в конце концов поставили: напротив тюрьмы?

Нет, на месте роддома.

Занавес.